

ТОНИ БРАНТО

ГАРПУН ДЪЯВОЛА

Беда всегда приходит вместе с чужими секретами

Тони Бранто
Гарпун дьявола
Серия «Детектив с
трогательным финалом»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69956044
Гарпун дьявола / Тони Бранто: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-195602-8

Аннотация

Суровое лето на Шетландских островах началось с трагедии. В бурной морской пучине погиб Джозеф, взрослый сын бывшего морского пехотинца Рэя Кампиона. Бедный отец безутешен: он возлагал на молодого человека большие надежды...

Чтобы пережить горе в одиночестве и не слушать, как жители небольшого рыбацкого поселка обсуждают событие, ветеран отправляется дежурить на маяк. Когда же сочувствующие соседи решают угостить Рэя фруктами и поддержать в тяжелую минуту, они находят его сидящим на полу с... трехфутовым гарпуном в шее. Кто же из живущих на острове способен на такое? Чужих здесь практически не бывает. Убить Кампиона мог только человек из ближайшего окружения.

Так же думает и восемнадцатилетний Адам, приехавший на остров в гости к деду. Парень потрясен этим страшным событием и решает раскрыть преступление раньше полиции.

Остров замер в ожидании развязки...

Роман в лучших традициях классического английского детектива.

Жестокое преступление на отдаленном рыбацком острове, узкий круг подозреваемых, проницательный юный сыщик, непредсказуемый психологический финал истории... И все это под шум бурного холодного северного моря...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	28
Глава 4	38
Глава 5	55
Глава 6	61
Глава 7	75
Глава 8	92
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Тони Бранто

Гарпун дявола

© Бранто Т., 2023

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

Глава 1

В предрассветный час

Джозеф утонул в ночь на восемнадцатое, его тело удалось вытащить ближе к рассвету, когда шторм шёл на убыль. Циклон, вздымавший волны, изрядно поизмывался над нами: у меня была изодрана рука, у Адама обе ноги. Кроме того, меня здорово шибануло головой о дерево, и теперь, помимо тошноты, мучило головокружение. Одежда, вернее сказать, лохмотья, что остались от роб и штанов, походили на остатки сражённого и потонувшего полка, вместе с которым, отмучившись, пошла ко дну наша лодка.

До берега мы гребли что было сил, по очереди взваливали на себя бездыханное тело, и, казалось, у Адама ещё оставались силы, однако последние ярдов тридцать его всё чаще уносило обратно. Я почувствовал, что вымотан и опустошён, едва коснулся берега, где нас ждали мой дед с Кампионом и Макэвоем.

Рэй Кампион и мой дед Шон Гарфилд были морскими пехотинцами ещё во времена взятия султанского дворца в Занзибаре¹. Сегодняшние волны не пощадили бы их, это точно.

---

¹ Англо-занзибарская война 27 августа 1896 года между Великобританией и султанатом Занзибар. Продолжалась в течение 38 минут и вошла в историю как самая короткая война.

Что касается молодого Макэвой, то он бы нам ни за что не помог: его правая рука была контужена – следствие войны с Гитлером. Из нас был выбит дух, и вся юношеская могучесть наша опала вместе с последней надеждой, и старания были напрасны, хотя мы знали это ещё до того, как кинулись в воду. Джозеф был обречён погибнуть на двадцать пятом году жизни.

Мы добрались до нашего дома на небольшом скалистом выступе, когда неба коснулись слабые тона рассвета. Тело уложили на диван в кабинете, вызвали полицию, и, кажется, до приезда инспектора никто не произнёс ни слова. Хью Макэвой был хорошим малым, оттого не стал долго маячить. Ценить тишину этого молодого капитана научила всё та же война, и, убедившись, что мы не при смерти, он двинул домой.

За столом, свесив голову, Кампион напоминал исполинский вариант фигурки скорби, что вырезают из дерева и продают на благотворительных базарах. Присевший против него мой дед был в равной степени неутешен – он просто потух.

Адам и я сидели на другом конце обеденного стола и тоже молчали. Нас закутали в овечью шерсть, чтобы мы перестали дрожать, но мы не могли перестать дрожать, потому что нас трясло не от холода, а от слабости. Почему-то мне казалось, что мы походили на две коряги, прибитые к берегу. Было больно дышать, и глотка горела от соли. Я ощущал себя не живым, а остатком такелажа, с которым забавлялся прибой.

Мои одежда и волосы, жёсткие и тяжёлые от морской воды, были испачканы смолой, и в моём кармане оказалась гроздь мидий.

Забрезжил восход, и приехал кортеж полиции и «Скорой помощи». Как бы мы ни хотели, но следы от уколов на левой руке Джозефа было ни за что не скрыть, и теперь об этом узнают все – о том, как Джозеф погубил сам себя. Инспектор не стал докучать, благо он видел наше состояние, так что ограничился парой основных вопросов, и вскорости весь кошмар этот кончился. Полицейские машины уехали, а вслед за ними повезли тело. Северное небо поддурманилось и в который раз обманывало нас, намекая на тёплый день, зато вода разгладилась в полный штиль. Дрожь бессилия начала отступать, но теперь мне казалось, что я никогда не согреюсь.

О несчастье бог знает каким образом узнала Летисия Вудс, ни свет ни заря подоспевшая со свежесвеженными сконами².

Известно, сплетни расходятся быстро, но поймите моё смущение: мы вытащили Джозефа от силы час назад, а сконы – и это при умелом обращении с тестом – готовятся минут сорок, если ориентироваться на сноровку моей мамы. Но не время было выяснять, действительно ли мисс Вудс сидела в

---

² Скон – небольшого размера бездрожжевой британский хлеб из пшеницы, ячменя или овсянки, традиционно приготавливаемый в Шотландии и на юго-западе Англии.

засаде на берегу.

– Мой милый, мой дорогой! – она бросила корзину у порога и кинулась обвивать шею Кампиона длинными ветвями своих рук. – Какое несчастье!

Рэй Кампион оставался с закрытыми глазами в той же позе, что и последние полчаса, ни на что не обращая внимания. Летисию это не остановило, она водрузила корзину с выпечкой на стол и по-хозяйски принялась летать по кухне, расставляя приборы, заваривая чай, раскладывая в розетки сливовое варенье.

Когда-то давно Летисия Вудс сочла своим долгом кормить мужчин в этом доме. Она не являлась (насколько мне известно) любовницей ни моего деда, ни Кампиона, ни – как такое в голову придёт только! – Стэнли с Джозефом. Виной всему, вероятно, материнский инстинкт, весьма остро развитый в ней (как многое другое женское), хоть детей у Летисии нет. Дом этот, заселённый лишь мужчинами, вполне закономерно превратился в поле деятельности неутомимой Летисии Вудс, и я рад, что дед в свои семьдесят не обделён заботой и женским вниманием.

Мисс Вудс уже много лет (никто не знает, как много) – полнокровная высокая и довольно стройная дама в одной поре с волнующимся каре светлых волос и тягой к простым шифоновым платьям в мелкие розочки. Вечная невеста. Всегда наготове, если за углом притаилась судьба. Однако её голос поставлен, как у самой несносной женщины. Вы можете тер-

петь его от силы минут десять, а дальше, поверьте, черёмуха отцветёт раньше, чем у вас кончится мигрень.

Летисия сказала, что знает — дело в наркотиках. Услышав это, Рэй Кампион встал и удалился из комнаты.

Дед покачал головой.

— Не говори чепухи.

— Но ведь это всем понятно, — расстроено изрекла Летисия. — Ужасно. Это сломит Рэя окончательно.

— Ерунда! Парень в этот раз просто неосторожно обращался с лодкой.

Дед неумело обманывался. Героин сгубил Джозефа. Но дать прослыть Джозефу наркоманом, пускай даже посмертно, деду не хотелось.

— Сконы, юноши! Ну же, пока горячие! Вам нужно набраться сил!

Мы с неохотой принялись поглощать её ароматные изыски с хрустящей корочкой и рыхлой начинкой. Надо признать, немного чёрствые и уродливые изваяния, что готовит моя мама, и рядом с этими не лежали. И вот ведь парадокс: моя мама счастлива в браке уже двадцать первый год, а Летисия в свои вечные «двадцать один» никак не обретёт счастье. Однако вспомните, что я говорил про её голос.

Пока я витал в мыслях, не замечал, как моя рука подвергалась бережной обработке раствором перекиси водорода. В довершение Летисия обмотала рану бинтом.

— Спасибо, мисс Вудс.

– Тсс, – она поднесла палец к губам. – Лучше молчи сейчас. Слова тратят силы. Вот, бери, ешь побольше сконов.

Я был готов молчать хоть весь последующий день, потому даже не кивнул, просто потянулся за очередной булочкой. Слова тратят силы. Мудро. Жаль, сие жизненное правило Летисия никак не использовала сама. Надо полагать, у неё-то сил в избытке.

Столь же ненавязчиво мисс Вудс принялась за Адама. Тот сидел, вытянув изрезанные, накрытые пледом ноги вдоль скамьи. У моего друга раны серьёзнее, если не принимать в расчёт удар моей головы о лодку. Но, кажется, всё обойдётся.

Я счёл, что лазарет кончился, но наша ярая Флоренс Найтингейл³ и не думала сдавать пост. Следующим пациентом был мой дед, его раны куда глубже. Здесь нужен психолог. Не знаю, есть ли такая профессия, что неподвластна Летисии Вудс. Пожалуй, нет.

– Ты совсем не притронулся к еде.

– Я разбит, – сказал мой дед.

Летисия хмурилась, ей это совсем не шло. Однако любые модуляции голоса ей всегда удавались весьма эффектно. Вот и сейчас в голосе мисс Вудс зазвучали медные упрекающие ноты:

– Подумай о Рэе, это ведь его сын погиб. Он сейчас наверху, сидит один и плачет. Тебе нужны силы, чтобы поддержать его.

---

³ Сестра милосердия и общественный деятель Великобритании (1820–1910).

– Рэй никогда не плачет, – сказал дед.

Он вновь обманывается, думал я. Как не плакать, когда погибла твоя плоть и кровь?

Но Шон Гарфилд и Рэй Кампион – из старых морских дьяволов, что никогда ни по чему не плачут. А посему не пристало женщине говорить такое.

– Как знаешь, а поесть надо. – Летисия налила душистого чаю с чабрецом, разрежала поперек скон и в два слоя размазала сливовое варенье по рыхлой мякоти. – Пожалуйста. Ради Рэя.

Дед потянул с полминуты. Наконец сдался. Откусил хлеба. На его усах и бороде тут и там заблестело варенье, но он этого не заметил.

– Как же нам теперь без Джозефа? – непонятно у кого и зачем спросила Летисия, ковыряя общую рану. И вдруг вспомнила: – Ох, Шон! Ты же всегда не любил это имя – Джозеф. Дед аж отпрянул.

– Не говори ерунды!

– А вот и правда! – вцепилась мисс Вудс. – У тебя был дядя Джозеф, ты его терпеть не мог. Это он заставил тебя съесть целый фунт сырого картофеля.

У меня вытянулось лицо, я впервые слышал эту историю. Удивительно, что родственники могут знать о своих близких меньше, чем соседи, но в Сент-Фоуи люди живут именно так. Заметив моё изумление, Летисия объяснила:

– Твой дед как-то застал своего дядю Джозефа за сараем,

где хранились сгнившие лодки. Дядя Джозеф изменял жене с гувернанткой, кажется. Когда шпион обнаружился, его заставили съесть мешок сырого картофеля! А после настраивали, что, если он проболтается об увиденном, картофель этот прорастёт прямо в его желудке!

Фунт за минуту превратился в мешок! Но вы всегда должны учитывать, кто с вами говорит. В случае с мисс Вудс сказанное можно смело делить на десять.

Её рассказ возымел действие, но явно не то, на которое она рассчитывала. Летисия хотела только разрядить обстановку. Реакция же деда была, на мой взгляд, единственной возможной – он треснул кулаком по столу.

Мисс Вудс аж подпрыгнула, но отступать не собиралась.

– Ты до шестнадцати лет верил в это! Что картофель прорастает в желудке! У тебя с детства психика травмирована! Съешь скон, ради бога!

В этот момент она походила одновременно и на брыкливую жену, и на старшую сестру, и даже на тещу. На деле же была просто соседка по улице.

Дед глубоко выдохнул и произнёс тихо:

– Несносная ты женщина. Помолчи хоть малость.

Вы бы удивились, как и я, но Летисия Вудс села и умолкла.

Глава 2

Сент-Фоуи

Позвольте дать вам немного отдохнуть от мисс Вудс. В моём повествовании этой бушующей женщины будет с лихвой. Сейчас я расскажу о нашей деревне, в которой произошли печальные события этих нескольких дней, включая гибель Джозефа.

Сент-Фоуи – типичная рыбацкая деревня в три улицы, вытянутая вдоль юго-западного побережья Шетландских островов. У нас есть почта, пристань, крошечный книжный магазин и даже салон красоты.

Я говорю «у нас», хотя я здесь фактически гость: мы с Адамом приехали на летний месяц навестить моего деда. Две пары крепких рук и ног восемнадцатилетней выдержки всегда пригодятся в хозяйстве. За десять дней пребывания мы залатали эпоксидной смолой и опилками любимую дедовскую лодку-плоскодонку (зря старались – теперь она гниёт в пучине Нептуна), а также вырезали и приколотили новые ножки к обеденному столу (старые пошли как раз на опилки). Серьёзные работы, как удаление доисторического «пальто» из овсяной соломы, покрывающего наш дом, и монтаж кровли из дранки⁴, похоже, придётся отложить.

---

⁴ Кровельный материал в виде пластин из древесины.

В Сент-Фоуи два магазина: один, с более чем банальным названием «Рыба и чипсы», принадлежит деду и его давнишнему приятелю Рэю Кампиону; другим, с примерно тем же набором товаров, владел старик Брекенридж, скончавшийся не так давно. За прилавком с тех пор его дочь, пышка Пэм. Такая потребность в двух магазинах на услужение малой горстке жителей обусловлена местной географией. Деревня состоит из восточной и западной частей, западная выступает южнее, и чтобы добраться до восточной, нужно пройти вдоль прибрежных вересковых холмов. Это минут двадцать неспешной ходьбы.

Старый маяк находится в западной части, как бы разделяя запад и восток. Если смотреть со стороны моря, то слева от маяка в десяти минутах ходьбы находится дом, где живут мой дед, Кампион с сыновьями (теперь уже с одним) и где обитаем мы с Адамом на время каникул.

Магазин примыкает к дому с левой стороны. В него есть вход с улицы, но есть и внутренняя дверь, ведущая в дом. В торговом зале, к удивлению редких приезжих, стоит обеденный стол, а также у одной из стен расположена небольшая кухня. Весьма удобно, можно сготовить еду и поесть, не отходя от рабочего места. Проще говоря, магазин воспринимается как ещё одна комната нашего жилища.

Отсюда минута ходьбы до дороги, в этом месте она сворачивает вглубь острова, поднимается на холм и вновь идёт параллельно берегу на восток. И тут между дорогой и морем

наш дом и магазин. Теперь никуда не сворачиваем, а продолжаем идти на запад. Дома здесь тянутся по дороге вдоль берега, и все без исключения окрашены белой известью – результат послевоенного народного голосования, целью которого было оживить хоть как-то эту часть суши. Издали дома напоминают гирлянду светлых пятен и ещё больше свидетельствуют об унылости нашего пасмурного бытия.

В самом большом из домов обитает семейство Макэвоев – древнейший клан из когда-либо заселявших местные широты. Далее дом Летисии Вудс и её парикмахерский салон «Белая роза», а также дом миссис Брекенридж, в котором сейчас снимает комнату доктор Натан Тёрнер, недавно прибывший в эти края из Абердина.

Раньше среди этих домов был и дом семьи Кампион. Разумеется, было такое время, когда наши семьи жили отдельно. Но мой отец вырос и в 1929-м уехал в Эдинбург, где повстречал мою маму. Там и я через год родился. Бабушку я никогда не видел, она почилла задолго до моего рождения. Так дед остался совсем один, но это закономерно.

Совсем иначе сложилась судьба его старого друга Рэя Кампиона. Энни Кампион скончалась сразу же после рождения Джозефа. Мне всегда было немного жалко Кампиона, всё-то у него не ладилось. Дед говорил, Кампионы долго не могли родить. Четыре или пять выкидышей случилось у Энни перед тем, как появился Стэнли. Энни к тому моменту было тридцать с небольшим, самому Кампиону – уже дале-

ко за сорок. А ещё через десять лет родился Джозеф. Жена умерла, старший сын вырос лодырем, а младший подсел на иглу, что и привело к сегодняшним событиям.

Да, жалко Кампиона. Как ни крути, а жизнь всегда была к нему несправедлива. Уверен, его укореняющаяся угрюмость – результат пережитого. Дед, одичав от безлюдья, предложил Кампиону съехаться под одну крышу. Общее дело, налоги платить за один дом. Словом, все в выигрыше, но главное – в доме всегда есть люди.

За маяком следит Стэнли, его обязанность – каждый день заставлять горелку нагревать сетку фонаря. Он принципиально не способен на большее, иначе бы давно сбежал с острова в поисках лучшей жизни и карьерного роста, как это когда-то сделал мой отец. Но какой уж там карьерный рост! Этот подъём не по силам мозгам тридцатипятилетнего Стэнли с одной тупой извилиной.

У меня убеждение: если человек не может сделать что-то в двадцать лет, когда он сможет? Отец хочет, чтобы я вслед за ним стал юристом. Меня до смерти не прельщает такая перспектива, потому что я мечтаю водить самолёт. Старик со мной не спорит, но, затрагивая тему моего образования, никогда не упустит шанс промыть мне мозги, что, мол, вначале я выучусь на юриста, а потом смогу летать сколько влезет. Ему легко говорить. Сам-то он налетался вдоволь, когда служил в Королевских военно-воздушных силах. Для него самолёт был вещью, которой приходилось пользоваться так

же, как лезвием для бритвы или ложкой для супа.

Адам считает, что старик прав, намекая на больной романтизм в моей голове. Я чувствую, как от этих разговоров становлюсь вспыльчивым и замкнутым, и в последнее время стараюсь не видеть отца. Хорошо, когда есть куда сбежать. Это всегда одно и то же место – дом деда в Сент-Фоуи, и здесь я каким-то образом надеюсь получить хороший пинок под зад, который поможет мне определиться, что для меня важнее – мечта или воля отца.

Чтобы добраться до восточной части, идём вверх по холму, оставляя справа магазин и дом. Дорога уходит круто влево, но если заглянуть за камни, в которые упирается поворот, то можно обнаружить скрытую тропку, ведущую к обрыву. Именно там расположена лавка свиданий. С неё открывается волшебный вид на маяк и море. Этот сокрытый выступ находится чуть ниже окон комнаты на верхушке маяка.

Лавка свиданий – традиционная скамья в металлических ажурах. Кто и когда изготовил её, никому не известно. До маячного окна от неё не больше пятнадцати-двадцати ярдов, и обычно, если у кого-то здесь тайное свидание позже семи вечера, Стэнли, сидя на дежурстве, может втихаря наблюдать за происходящим. Об этом известно чуть ли не каждому, как и то, что Стэнли особо не водит ни с кем дружбу, а значит, не станет чесать зубы. Помните поговорку – «бездельник болтлив»? Так вот представьте, что за циклопическая лень родилась вперёд нашего Стэнли, если даже молоть

языком ему представлялось надсадой.

В восточной части среди прочих обитателей живут почта-льон Саймон Рассел с дочерью Джуди. По соседству с ними единственная аптека, зоомагазин и неплохая кондитерская.

Макэвои – из числа равнинных кланов. Когда-то Уильям Макэвой завещал дом трём сыновьям, и после его смерти все трое так и остались жить вместе.

Старший, Джон Макэвой, местный врач, во Вторую мировую служил в Медицинском корпусе Королевской армии в Палестине и Трансиордании. Высокий худой мужчина с извечно угрюмым лицом. Ему нет и сорока, однако меж бровей его уже давно легла глубокая морщина. Женился на очерствелой Ровене, в девичестве Асмер, которую здесь прозвали ведьмой. В общем-то, она походит на ведьму в равной степени, что и любая другая женщина. Дело в её характере. Видом привлекательна, а сердцем – труболётка⁵. Она может позволить себе не здороваться, если проходит мимо чьей-то калитки. А иной раз и здорово, что молчит; голос её холоден и колюч, как северный ветер, что дует из Оркнейских пещер. Больше того, в отличие от мужа, который привык лечить своих пациентов традиционными медицинскими методами, Ровена старается искоренять хворь, заведшуюся в доме, исключительно травами и прочими народными средствами. Думаю, последнее как раз и является подлинной причиной её дурной славы.

---

⁵ Ведьма, летающая через печную трубу.

У Джона и Ровены подрастает семилетний Билли. Говоря местным языком, ребёнок вышел ледащий, из трёх лучинок, любая болезнь к нему пристаёт как вар сапожный, и все считают – это не что иное, как честное отражение взаимоотношений его родителей.

Средний сын, Хью Макэвой, был серьёзно ранен на фронте и отправлен в тыл. Война вскоре кончилась, и Хью больше не возвращался на поле битвы, однако его правая рука на всю жизнь теперь контужена. Хороший парень, он вам сразу понравится, как только вы его встретите. Взгляд больших светлых глаз туманного зелёного оттенка источает тоску и тяжесть прошлого, и это в двадцать пять лет! Насколько я знаю, капитан одинок, но, думаю, ненадолго. Очень уж он общителен и хорош собой.

Младшего Макэвоя зовут Дуглас. Погружённый внутрь себя, в свои мысли и занятия человек, отрешённый от мира, с бытовой точки зрения, и очень одарённый – с научной. Дед говорил, это называется синдром саванта. Дуглас крайне вспыльчив, иной раз его лучше не касаться, а сталкиваясь с ним, ощущаешь – душа его из тончайшего хрусталя и вот-вот треснет, и тогда не знаешь, как себя вести. Между ним и Хью всего около трёх лет разницы, но в случае, подобном Дугласову, возраст, наверное, роли не играет, и человек навсегда остаётся странным ребёнком.

К Дугласу нас приучали, к его странностям. Мы были мальчишками и, бывало, кидались в него последними слова-

ми. Я повзрослел где-то между началом и концом войны, тогда и догадался, что если бог и живет в Сент-Фоуи, то своим домом он мог избрать только честное сердце Дугласа.

Было что-то около десяти, когда Натан Тёрнер, высокий, астенического телосложения мужчина лет сорока пяти, зашёл в наш магазин. Дед открывает в девять, но, кажется, этой ночью магазин и не закрывался. Кампиона мы не видели ни разу после выходки Летисии, а Стэнли до сих пор спал, и ему только предстояло узнать о смерти брата. Адам прилёг в спальне, я оставался с дедом в зале. После двух таблеток аспирина боль моя понемногу отпускала, но я всё ещё был глуховат на левое ухо, и, скорее всего, в нём оставалась вода. Лучше ничего не совать туда, говорил дед. Само вытечет, когда надо.

Тёрнер справился о нашем здоровье, принёс соболезнования. Однако он был весьма тактичен, не заговорив об утопленнике. Вместо этого он попросил небольшой брусок сыра. Дед завернул в бумагу.

Вновь зазвенел колокольчик, вошла Ровена Макэвой.

– Доброе утро, миссис Макэвой!

– Доброе... Какое там доброе, мистер Гарфилд! Пожалуйста, примите мои самые искренние соболезнования, – хрипло произнесла она с порога.

Ровена редко ходит по магазинам. В основном покупками занимается их домработница, девица Келли с веснушками вокруг глаз. Мне подумалось, что Ровену сюда привели

отнюдь не консервы, а плутающие духи, как известно охотящиеся за неприкаянными душами. Она подошла к прилавку, пробежалась глазами по полкам со снастями. Очевидно как божий день, она хотела что-то спросить и не знала, как поступиться.

Дед по-доброму спросил:

– Вам помочь?

– О, благодарю. – Ровена даже улыбнулась.

Точно хитрит.

Затем спросила:

– Эти пряники свежие?

– Мисс Торуенс вчера привезла.

Ровена терпеть не может пряники, как и всё сладкое, это всем известно. Теперь я твёрдо знал: она пришла разузнать подробности о смерти Джозефа. Здесь я поразился, что рупор гласности Летисия Вудс до сих пор не снабдила всю деревню доступной информацией.

Я не ошибся. Ровена обронила фразу:

– Только не знаю, уместны ли пряники в часы скорби?

А затем:

– Так трудно предугадать, когда смерть в дом постучит, не так ли? Всегда нужно быть настороже.

Дед отделался общими словами, как бы соглашаясь со сказанным.

Ровена, не найдя у нас поддержки, стала осаждать Тёрнера. В её глазах читалось: уж он-то точно знает как врач, где

здесь собака зарыта. Однако Тёрнер не повёл и бровью. Прижав к себе пакет с сыром, он дипломатично выслушал суждения Ровены о смертях, словно она была у него на приёме, и ограничился парой кивков.

Я заметил, как приветлива была Ровена сегодня, и с минуту даже казалось, что она флиртует с доктором. Но нет, Ровена Макэвой совсем не такая. Она преданная.

Неприступность Тёрнера, безусловно делавшая ему честь, порядочно выводила из себя. На месте Ровены я бы уже взорвался. Но она терпела и, надо признать, мастерски подкидывала фразу за фразой.

– Я недавно читала в «Шетланд телеграф», как у одного моллюска учёные обнаружили неизвестный белок, с помощью которого они надеются излечивать наркотические зависимости. Подумать только, найти средство из морской губки! Разве это не чудеса? Пишут о новом Александре Флеминге⁶ и о новом пенициллине от наркомании. Как вы считаете, это всё правда?

Тёрнер покачал головой.

– Я тоже читал эту статью. В самом деле, – сказал он, – наука не стоит на месте, сейчас многое исследуется с другой точки зрения. Война послужила важным катализатором перемен и инноваций. Конечно, я не вижу антибиотики средством от зависимостей, но я верю, что белок может лечь в

---

⁶ Британский бактериолог, изобретатель первого антибиотика пенициллина (1881–1955).

основу новых методов разного рода диагностик.

– Как это здорово! – сказала Ровена. – Жаль, до нашего острова нужное лечение так и не дошло. Возможно, оно помогло бы Джозефу?

Господи! Вот ведьма-то! Какое ей дело до Джозефа?

Тёрнер поблагодарил за сыр и вышел. За ним, ничего не купив, как кошка за мышью, метнулась Ровена.

В двенадцать я вышел на дорогу с большим свёртком в руках. Это был спецзаказ для одной немощной дамы в конце улицы, дед всегда носил ей сам, но сегодня я вызвался помочь. Я неспешно шёл и поглядывал на то место, куда сегодня утром нас выбросили волны, и думал о том, что мы могли ведь запросто концы отдать, и о том, сколько в нас всего дурного, и всё ещё блуждал в мыслях, когда случайно налетел на Саймона Рассела.

– А, Макс Гарфилд! Бедняга, – кривовато улыбнулся Рассел. – Сил-то поубавилось?

– Совсем нет, – ответил я немного дерзко. – С чего бы?

Рассел поджал губы.

– Выжить после такого не каждому под силу. Говорят, вас порядком потрепало!

Я вдруг подумал: а он откуда знает? Как правило, люд из восточной части не проинформирован раньше полудня. Ах да, Рассел доставил утреннюю почту для миссис Бреккенридж, а та, должно быть, с утра пораньше уже уложила непокорную солому на своей голове в салоне Летисии.

– Сразу видно – внук морского дьявола! Непотопляем! – почтальон вдруг засмеялся.

Что тут было смешного, ума не приложу. Мы едва не погибли. Я махнул рукой, сказал, что мне пора, и двинул дальше. Какое-то время я ещё слышал, как он посмеивался, продолжая свой маршрут. В самом деле, что тут смешного?

Я поднял голову и прищурился. Я, конечно, треснулся башкой и даже оглох немного, но не сбрендил же! Разве это не Кампион идёт мне навстречу? В самом деле, это был Рэй Кампион. Он поднимался с причала и шёл в мою сторону. А я был уверен, что он не спускался со второго этажа и не выходил из дому.

– Daingead!⁷ – бросил он, когда мы поравнялись.

– Вы гуляли?

– Как будто мне заняться нечем, да? Ждал подрядчика, словно я мальчишка какой-то. Прождал у воды целый час, а лодки нет!

– Вы уверены?

– Её не спутаешь, на ней кресты синие намалёваны, как на салтире⁸, только катер не синий, а белый, а кресты косые синие. Клянусь, я этого гадёныша поймаю и, как апостола Андрея, на его лодке распну! Бестолковая сволочь!

Он говорил это настолько повседневным тоном, что я

---

⁷ Чёрт знает! (гэльск.).

⁸ Геральдическое название Андреевского креста, символизирующего распятие Андрея Первозванного.

невольно сообразил: Рэй пытался отвлечься от горя, потому ругался, как в будние дни, в надежде, что это окунёт его с головой в привычные заботы.

– Разве продукты не через город возят?

– Это не продукты, это несколько хороших гарпунов, я заказал их специально. У них зубы на древке по пять штук, а острые, как у гребнезубой акулы! Одна такая схватила моего старика за руку, но острога тогда спасла его, потому что острая была. Хотя руку не спасли. Тогда гарпуны не знали, что такое пощада. Если бы такие продолжали массово делать, мы бы эту войну чёртову гораздо раньше выиграли. Наверное, мы движемся по спирали, раз на них пошёл спрос. Таких точно давно не было. Сас!⁹ – на этом он оборвал разговор и поковылял дальше.

Я побрёл в своём направлении и стал думать, что Чемпион ни разу не взглянул мне в глаза. Наверное, он боялся увидеть в них жалость. Мысленно я ещё раз прокрутил наш диалог и удостоверился, что вёл себя как можно естественнее, и перестал об этом думать, а стал вспоминать, как ночью мы обнаружили исчезновение Джозефа и принялись его искать.

Меня вновь вытянули из мутной пропасти мыслей, на этот раз Мэгги, дочь одного из рыбаков. Почему она не шла себе дальше?

– Бедняжка Джозеф. Он ведь был наркоманом. Но Джон Макэвой ему не помог бы. Доктор в последнее время стал

---

⁹ Дермо! (гэльск.)

неврастеником. Я недавно пришла к нему на приём, показала свежий порез от рыбного ножа, а он вместо декстрина дал мне настойку календулы на спирту и велел выпить. Представляешь? Он решил, что у меня спазм в горле!

Я сказал: «Какой ужас!» и сообщил, что мне надо идти.

– Интересно, – продолжала она, – с чего вдруг? Хотя оно и понятно. Жена всегда виновата в нервозности мужа, это факт.

– Может, стоит непременно зайти к мисс Вудс? – подмигнул я.

Мэгги поняла намёк, заулыбалась, расцвела, а я воспользовался моментом и двинул дальше.

Опять мы возвращаемся к Летисии Вудс, но, боюсь, без этой весомой фигуры никак не обойтись.

Глава 3

Салон «Белая роза»

В Сент-Фоуи никогда не росли розы, ни до христианизации островов, ни после. Смею подозревать, именно по этой причине салон Летисии получил столь благородное название. Если чего-то не существует, значит, в этой области открыты бескрайние поля для фантазии мисс Вудс, которая вообще склонна рассказывать в деталях о том, чего в помине не было. Доказать обратное вы не сможете, и попади сюда чужой человек, ему придётся слушать легенду: «Когда-то на этом склоне жила прекрасная дама и выращивала прекрасные белые розы...» И я даже добавлю от себя, что та дама на склоне лет внешне походила на Летисию.

Парикмахерская, как и в любом населённом пункте, — неискоренимый рассадник сплетен. Летисия Вудс знает всё про всех. Хотите навести справки? Платите боб¹⁰ и шесть пенсов, усаживайтесь поудобнее в кресло. Если интересно, чем дышит деревня сегодня, произнесите невинную фразу типа: «Погода переменчива», вам тут же ответят: «Так ведь вон что происходит, погода не может не реагировать, когда...» Далее горячая сводка новостей.

Если вы хотите узнать об интрижках, киньте, словно

---

¹⁰ Шиллинг (сленг.).

невзначай: «Кажется, я видел кого-то, свернувшего к лавке свиданий...» Реакция не заставит себя ждать – вы узнаете, кто с кем, когда и как часто.

Разговор направлять не придётся. Расслабьтесь. Дайте Бейре¹¹ поднять шторм, она сама начнёт осаду. На вас сказочным водопадом польётся информация, возможно не представляющая для вас интереса, но развлекающая чрезвычайно. Вы непременно вежливо скажете:

– Конечно, вы правы, мисс Вудс. И то, что это не наше дело, вы совершенно верно подчеркнули.

– Но я просто беспокоюсь, по-человечески беспокоюсь! – вспыхнет Летисия.

– Ах, сейчас ведь мало кого волнуют чужие проблемы, вы же знаете.

И разговор обязательно сменится следующей, не менее насущной чужой проблемой.

В обед, когда Адаму стало лучше, мы пришли в «Белую розу», чтобы починить Летисии сушуар. Предмет, признаюсь, самый изворотливый и ушлый среди тех, что мне доводилось ремонтировать, но принцип вроде понятен. Мы несколько не удивились, узнав, что у него даже имя имеется – Уоррен. Так вроде бы звали отца Летисии.

Пока мы, как гиббоны, рассматривали новую вещь, Летисия металась между нами и своей подругой, прибывшей с материка за новой причёской и свежей молвой. Женщина

---

¹¹ Мать всех богов в шотландской мифологии.

выглядела моложе Летисии, хотя была не первой и не второй весны, но, как и хозяйке салона, ей наверняка удавалось преуспеть в обмане, когда кто-то пытался угадать её возраст.

– Будешь новой сенсацией! – пообещала мисс Вудс клиентке в очередной раз.

Я ухмыльнулся и лихо открутил голову молчаливому Уоррену. Моя физиономия непроизвольно скривилась: на дне диффузора предстало настоящее гнездо из плотно склеенных волос с голов предыдущих «сенсаций». Я был рад так скоро обнаружить причину поломки и надеялся поскорее сбежать из этого места, но отодрать волосы оказалось сложнее, чем представлялось. Адам клеил подводку водной колбы для паровой завивки, и мне это занятие казалось менее посрамляющим. Зато его колба жила здесь без имени. Наверное, Летисия была в ссоре с матерью.

Хозяйка салона тем временем щёлкала изящными ножницами у самых ушей посетительницы. Её рот не закрывался уже минут двадцать.

– Это всё пустяки, конечно. Или взять, к примеру, Джуди. До чего прелестное создание!

– Джуди Рассел?

– Да, она очаровательна, правда?

– Помню, год назад или около того недурна была.

– Обязательно зайди в кондитерскую миссис Уэнстилл рядом с домом Джуди и сядь у окна, тогда непременно увидишь, как она расцвела! Я недавно ей букли делала. Насто-

ящая Офелия златоглавая, как на картине Милле¹². Когда я дотрагивалась до её волос, такое чувство накатывало, знаешь, как будто произведения искусства касалась! Конечно, она вся в мать. А какой была её мать! Ах! Жаль, скончалась рано. Женщины в нашей деревне чахнут, не живут долго, не приживаются они здесь, как и розы.

– Но ты прижилась, Летти! А ты настоящая роза в самом цветении!

– Я такая, да! И я всегда буду здесь!

Дамы громко смеялись. Мы с Адамом смеялись тише, и я шепнул, что попробовал бы кто выкорчевать эту «розу», живот бы себе сорвал. А про себя я клял Летисию: меня брала оторопь при мысли, что где-то среди этого месива гнездились волосы Джуди, и ещё Летисия зачем-то сравнила Джуди с утопленницей Офелией. Как будто других сравнений нет. Я ничего не имею против Шекспира, просто момент сегодня неподходящий.

– Миссис Гарфилд, миссис Рассел, миссис Кампион, – перечисляла Летисия. – Бедняжка Энни! Только родила Джозефа, а через неделю померла. Да так неожиданно! А вот теперь и сам Джозеф...

Женщина в кресле сочувственно кивала.

– Говорят, чайка кричит, когда мать оплакивает ребёнка, – сказала она, – а утопленник просит погребения в земле.

– Я всегда говорю – мёртвым не всё равно, – продолжа-

---

¹² Джон Эверетт Милле (1829–1896), английский художник.

ла Летисия. – Если это мать, ей не всё равно, где бы она ни находилась. Душа её не упокоится, если ребёнок страдает, – она вздохнула. – Джуди так похожа на свою мать, она так же верит в чистую, неземную любовь. Потому привязана девочка к Стэнли до гробовой доски. Как она верит, ах, эта малышка... – Летисия покачала головой.

Жест этот означал скорее тревогу за юную деву, нежели романтическое исступление, в кое часто впадала Летисия.

Адам закончил с безымянной колбой и принялся помогать мне сдирать скальп с Уоррена, а Летисия Вудс со значением продолжала:

– Как раз сегодня утром я ходила в аптеку и случайно услышала голоса за камнями. Я решила, мало ли, вдруг там помощь требуется, потому-то и не преминула заглянуть. В такое утро прямо отовсюду веет тревогой. Так вот там, на лавке свиданий, сидели Джуди и Стэнли. У них была тайная встреча, я уверена. Стэнли сидел ко мне спиной, Джуди лицом. У малышки зрение неважное, она много читает, я ей как раз одну из «книг в коричневом»¹³ недавно советовала. Блестящая вещь! Всё правда! В общем, я не переживала, что она может меня увидеть. Да и стояла я не близко, у меня дальность зрения. Уже лет-то сколько! Впрочем, это неважно. Джуди не видела никого, кроме возлюбленного, а он обнимал её, с

---

¹³ В 1930-х годах британское издательство «Mills and Boon» начало выпуск любовных романов в твёрдом переплёте. Книги продавались посредством еженедельных библиотек и были известны как «книги в коричневом» из-за коричневого переплёта.

трепетом гладил золотые волосы. Я, конечно, не собиралась подслушивать, только решила проверить, всё ли в порядке.

Летисия Вудс никогда не оправдывается, только разъясняет очевидное.

— У Расселов, сколько себя помню, всегда были проблемы с деньгами. Раньше деньги в дом приносила мать Джуди, убиралась в пяти домах до седьмого пота. Всякое здоровье не выдержало бы. Даже женское. Она слегла, и они долго жили крохами. Островной наш священник и тот получает поддержки больше, чем почтальон. Но сегодня на лавке Джуди говорила, что деньги, весьма внушительные, у них вот-вот появятся, и тогда они со Стэнли смогут уехать отсюда и сыграть свадьбу. Стэнли очень переживал, что у него самого не водились деньги, впрочем, он и не очень-то стеснялся говорить об этом.

К тому моменту мы почти счесали колтун с головы Уоррена. Я был уверен, что этот безжалостный тип уже готов к новой жертве, но нам не хотелось сюда возвращаться слишком скоро, и поэтому мы продолжали добросовестно брить до самого последнего волоска, и, разумеется, продолжали слушать сплетни.

Ни для кого в деревне не было секретом, что Джуди и Стэнли уже какое-то время встречались, но о свадьбе ещё не судачили. Именно поэтому подслушанная Летисией информация являлась крайне ценной для местного общества.

— Откуда же у Расселов вот-вот появятся деньги? — недо-

умевала клиентка.

— Это слова Саймона. — Летисия подняла взгляд к лампе, вспоминая. — «Дочка, завтра нас ждут немалые деньги, так что ни о чём уже можно будет не переживать».

— Да, но откуда...

— Я же тебе рассказывала, забыла? Что Рассел десять месяцев кряду выигрывает на скачках.

— Ах да, конечно, ты говорила.

— Я даже следить стала ради интереса за всеми забегами, читаю турнирные таблицы в газетах. Как только натыкаюсь на результаты скачек в Ланарке или Хаддингтоне, сразу думаю: Рассел точно завтра ко мне хвастать примчит. Это уже традиция. Приходит и рассказывает: то он штормовые окна установил, то обувь на подошве из бразильской гевеи купил. Он в этом хорош, да. Я сама подумываю сделать ставку, но, конечно, заведомо посоветовавшись с Расселом. Сегодня ожидается большой куш. Даже в «Шетланд телеграф» писали о возвращении «Синего молота». Чистокровный жеребец из Ирландии!

Тема Расселов была выжата досуха, и мисс Вудс поспешила вспомнить:

— Рэй с утра ревел точно ребёнок! Силы небесные! Голова упала на грудь, словно дух выпорхнул. В слезах твердил, что не уберёт Джозефа, бедняжка. Теперь он, конечно, в депрессии.

— Да, теперь у него остался только Стэнли.

– Да уж, Стэнли, – вздохнула Летисия. – Он даже не понял, какое горе произошло.

– В самом деле? Ужасно это.

– Ужасно – не то слово.

– Как можно быть таким бессердечным?

– Не знаю. Но он даже с Джуди только из-за денег.

– В смысле?

– Он не очень толковый парень, звёзд с неба не хватает, а деньги любит. У отца-то они есть, да он не даёт ему. Рэй мудро поступает, он хочет выучить Стэнли, дать ему образование. Сколько же он вкладывал в него, но всё без толку.

– Ему же сейчас где-то тридцать?

– Тридцать пять.

– Тридцать пять? Подумать только!

– И я о том же, – переживала Летисия. – А что в итоге? Смотритель маяка. Это его потолок. Он ведь Джуди так и сказал, когда я случайно услышала: «Денег недостаточно, а работы для меня здесь нет». Он сказал ей это прямым текстом, не стесняясь осуждения! Да ведь кругом работа – пойди на судового механика выучись или разгружай контейнеры! Да не лыком шит наш Стэнли. Говорю как есть, он с Джуди только потому, что её отцу везёт на деньги.

Я дёрнул бровью от безапелляционности такого суждения. По-моему, Джуди красива и явно достойна, чтобы мужчины хотели быть с ней просто так, а не из-за денег. Я озвучил свою мысль, вклинившись в дамский разговор.

Но мисс Вудс-то лучше знает! Она резко замотала головой.

– Нет, Джуди его жалеет, у неё доброе сердце. Она так хочет за него замуж, а он твердит, что денег на свадьбу нет, потому она и надеется на отцовский выигрыш.

Клиентка кивала так сильно, что походила на дятла.

– Не уверена я совсем в этом Стэнли. Думаю, что он вообще не способен любить.

Оно и понятно – ведь как можно быть уверенным в человеке, с которым вы в жизни своей не сталкивались?

– Всё. Готово. Осталось высушить. Мальчики, что с нашим Уорреном?

Мы сообщили, что Уоррен побрит налысо, и заметили, что стрижка ему шла гораздо больше и теперь Уоррену требуется подружка. Дамы, обе невероятно возбуждённые, как после марафона, переместились к сушиару.

Пока одна гляделась в зеркало, очаровываясь садом, что был разбит на её голове, другую скорее радовало количество удобрений, которым она забила садовую почву. Столько дерьма вложить в чужие уши, да так глубоко, чтобы оно окислило мозги и дало урожай в виде последующих сплетен – это вам не святому отцу исповедаться.

Клиентки покидают салон с гордостью, что знакомы с его хозяйкой, потому что его хозяйка не просто женщина, а рабыня страсти и яйцекладущая королева-самка с хорошо развитыми внутренними органами, отвечающими за созидание

драмы из воздуха. Если где-то гаснет огонь, Летисия готовит пудинг из кабачков и приходит незваной гостьей к столу, незаметно подливая масло в стынущую печь.

Мой вам совет – запирайте двери на засовы.

Глава 4

Маяк

Я знаю Джуди с детства. Наверное, поэтому нам и не суждено коротать совместные вечера в старости. Хотя вот говорят же – мужчины и женщины дружбы не водят, но наш случай именно такой. Джуди выросла пленительным созданием, не влюбиться в которое невозможно. Бледная кожа, золотые локоны, сверкающие в лучах солнца, в больших глазах плещет морская волна. Став мужчиной, я горестно осознал, что знаком с этой девушкой с детства.

Сейчас я никак не мог определить, что за стена выросла между нами и что за цемент продолжал её удерживать: Джуди Рассел, весёлая и беззаботная Джуди, стала для меня абсолютной загадкой. Встретишь её на улице и не поймёшь, в каких потёмках блуждают её мысли. Нужно правильно подобрать слова: Джуди не стала холодной или отчуждённой, но её взгляд – он-то и выдаёт некую тревогу. Связана ли эта тревога с тайной свадьбой, никому не известно. Кроме самой Джуди, разумеется. Однако спросить напрямую мне не давал случай, а ещё – гордость и достоинство.

Я на редкость упрям. Скидываю это на возраст. Потом сам же буду кусать локти от своего бездействия, но об этом вряд ли узнают. Холодная дружелюбность вкупе с недурной

внешностью – моё нехитрое оружие, подаренное воспитанием и молодостью (в восемнадцать лет, как известно, хороши и чёрт). Однако же не действовало оно на Джуди, а другие меня интересовали ненадолго. Я ни разу слишком не влюблялся.

Самая непостижимая для меня тайна – почему Стэнли? В своей жизни я не решил ни одной задачи со звёздочкой, что шли напоследок в каждом параграфе с заданиями. Вопрос, мучивший меня, представлялся мне именно такой задачей. Зная, что ни в жизнь не справлюсь в одиночку, я подключил к решению Адама.

Мой друг разгрызал эти звёздочки, как орехи. Я всегда у него списывал, не чувствуя укора. Не виноват же я, в самом-то деле, что моя мозговая мышца не развивалась дальше своих возможностей. У кого-то мозг, как резина, – готов растянуться и обогащаться. Мой мозг, по всей вероятности, представлял собой корду: достаточно длинную и прочную, чтобы ею пользоваться, но упрямо не тянущуюся.

Каждый раз, когда к нам на ужин приходит дядя Артур, брат моей матери и математик, я чувствую, насколько он глубоко несчастный человек. В сорок лет его лицо исполосовано морщинами, как у многократно сложенной бумаги, и все мускулы лица сжаты и напряжены. Я думаю, в детстве он мечтал стать мореплавателем. Насильственное образование у нас в роду, но я – последняя выжившая рыба в нашем ведре – ещё быюсь за право быть свободным.

Я не думаю, что у нас лён был бы не делён, пойдёшь ты с Адамом одной дорогой. Мы примерно одного роста, его голова причудливо отливает цветущим хмелем, и развит Адам физически довольно хорошо, однако в своих круглых очках он напоминает ботаника или лабораторную крысу. Об этом любой скажет, кто хоть раз его встречал. У Адама немного вытянутый череп, придающий ему перманентную суровость и погружённость в себя. По решительно обозначенному подбородку и выпуклому затылку безошибочно угадывается нордическая кровь.

По иронии судьбы, когда дело касалось не игры в регби (тут я всегда давал фору Адаму) и не любого другого требующего физической отдачи дела, крысой из нас был я, а мой друг, безусловно, гамельнским крысоловом¹⁴. При всей своей смекалистости Адам нуждается в ком-то, перед кем он может распушить хвост, и я иногда думаю, что, не будь меня рядом, он бы скурился с кем-то ещё (но это была бы не дружба, а сухие отношения крысы и дудочника).

Днём мы помогали деду готовить обед. Когда старик выходил за столовой утварью, из меня, как из сухой тучи, рвались молнии, я сыпал проклятия в сторону паршивой овцы Стэнли.

– А что говорят глаза? – спрашивал Адам.

---

¹⁴ Персонаж средневековой немецкой легенды, согласно которой музыкант, обманутый магистратом города Гамельна, отказавшимся выплачивать вознаграждение за избавление города от крыс, с помощью колдовства увёл за собой городских детей, сгинувших затем безвозвратно.

– Глаза Стэнли?

Адам вытер руки о полотенце и ухмыльнулся.

– Эти точно лентяят говорить.

– А-а, – невыразительно вылетело у меня.

Нам это мой дед рассказывал. О том, что глаза не менее красноречивы, чем губы.

– Говорят, что их хозяйка встревожена, – ответил я. – Уж лучше бы Джуди это скрывала.

– Женщины крайне неразборчивы, когда влюблены. Дай ей время, – сказал Адам.

Дед вернулся, поэтому я только хмыкнул в ответ.

Считается, что даже между самыми близкими друзьями должна быть дистанция. Мы по-своему соблюдали это правило: у меня не в труд выходило быть талантливым дураком там, где Адам проявлял смекалку и прозорливость. Но я всегда помнил, что летают как ястреб, так и комар, потому бесился и вскипал от собственной недалёковидности только в самых крайних случаях.

В жизни подло брать за фук¹⁵, говорил дед. Если тебе открылись чьи-то слабые стороны, ни за что не бей по ним. Глупо считать, что ты никогда не окажешься на том же самом месте или тебе не дадут сдачи. Мы с Адамом никогда не брали друг друга за фук. В этом, пожалуй, и заключались наши отношения. Хотя это не мешало нам поддевать друг друга время от времени.

---

¹⁵ В игре в шашки штраф за не взятую вовремя шашку противника.

Вот и сейчас Адам наклонился к моему уху, чтобы дед не слышал, и сказал:

– На террасе оставалось виски. Пока гости не набежали...

Я не умею притворяться, и вместо спокойствия танка Адам видел во мне трёхорудийную батарею, которая была не в состоянии сдерживать запал.

Назревало что-то вроде «большого чая»¹⁶, только значительно раньше, чем обычно. Это не совсем поминки, ведь ещё даже гроб не заказали. Решено было просто почтить память Джозефа. Как повелось, на такие «чаи» не зовут поимённо, приходят те, кто сочтёт нужным.

Горе и трапезу вскоре пришли разделить с нами Расселы, капитан Макэвой и – разрази меня гром! – Летисия Вудс. Кампион сел во главе стола, по левую руку его заняли места Джуди, Стэнли, мой дед и Адам, по правую – Саймон Рассел, капитан Макэвой и мисс Вудс. Мне досталось место против Кампиона, о чём я жалел весь вечер. Дело было в банальной непереносимости голоса Летисии: сегодня за столом он звучал на редкость раздражающе, с жалобно-ноющими нотами.

– Бедная Энни... ах, бедняжка... Останься в живых, знала бы она, что такое приключится с Джозефом? Сердце матери ведь чувствует, не обманешь...

Даже не пытаюсь описать, в какую неловкость нас всех вогнула эта женщина. Мы втянули шеи, молчали, как перепуганные звери. Впрочем, Летисия не столько глупа, сколько

---

¹⁶ Традиционное застолье в Шотландии, обычно устраиваемое на ужин.

говорлива, и сама принялась исправлять положение. С при-
сущей только ей быстротой она соскочила на другую тему:

– Джуди, как я рада, что скоро ваша свадьба!

Мне показалась, что Джуди не очень-то радовалась по это-
му поводу, но из вежливости она кротко улыбнулась, а наш
Стэнли и бровью не повёл. Стало очевидно: про свадьбу, ви-
дать, был секрет, а Летисия Вудс, как всегда, в своём репер-
туаре. На счастье, каждый в Сент-Фоуи знает Летисию до-
статочно хорошо, чтобы не обижаться на неё.

Кампион прочистил горло:

– Вот как, стало быть? Неожиданно, сынок. Что ж, по-
здравляю! Будьте счастливы!

Стэнли слегка ухмыльнулся, особого энтузиазма в нём я
тоже не заметил. Я глядел на Джуди: ясно как день, она
хотела провалиться на месте, а в её глазах вновь замерцала
тревога, та самая, что грезилась мне ранее. Но нет, мне не
мерещилось. Тревога была вполне осязаема. Джуди Рассел
не на шутку обеспокоена, хотя пыталась это скрыть.

Рассел, покончив с едой, объявил, что ему необходимо
связаться со своим букмекером перед началом скачек, и го-
сти быстро разошлись. Я слышал, как, выходя, Летисия об-
ратилась к Расселу за советом насчёт ставки. Рассел отвечал
что-то про нывшую ногу, когда их голоса скрылись за две-
рю. Тем же составом, что и ранее, мы принялись убирать
со стола. Стэнли – мужеподобное ничтожество – заявил, что
хочет спать.

Кампион вздёрнул брови, с досадой глянув на сына.

– Твоя работа, – сказал он, – начинается через пятнадцать минут. Ты спал целый день.

Стэнли отмахнулся от отца как от мухи. Зевнул, потянулся и пошаркал в дом. Сцена произошла немая, но по накалу не уступавшая тем, что умела устраивать мисс Вудс. Дед с сожалением приобнял Кампиона и сказал, что сам пойдёт на ночное дежурство.

– Тебе лучше выспаться, – сказал дед другу. – Мы с парнями закончим здесь.

Кампион хмурился минуту-другую. Наконец он выдал:

– Сам пойду. Спать мне не хочется вовсе. Да и к тебе внук приехал.

– Это ничего, – сказал дед и, глядя на меня, добавил: – Макс и Адам с радостью составят мне компанию на маяке.

Я кивал. Однако усталый вид моего приятеля не выражал особой поддержки.

– Ты иди, – сказал Адам. – Я на боковую.

Его понять можно. Безумная ночь, проведённая в смертельных объятиях девятого вала, всё ещё напоминала о себе тупой болью в ухе да нытьём ран под бинтами. Стэнли – плешь на ровном месте. Его брат погиб, его отцу плохо, а он делает вид, что хочет спать. Ублюдок!

Кампион уже твёрдо решил:

– На дежурство пойду я. Вопрос закрыт.

Без десяти шесть он вышел из магазина и побрёл к ма-

яку. Сумерки охладили день, затуманили видимость. Адам отправился вслед за Стэнли на второй этаж.

Я приготовил нам с дедом кофе с ликёром. Мне хотелось поговорить с дедом, высказаться, спросить его о том, что наболело, но я почему-то не мог – мысли все скомкались. Такая странная тишина царила в комнате около часа, пока не была бесцеремонно нарушена. Кем бы вы думали? Ну да, Летисией Вудс! Она отворила входную дверь в магазин, но входить не стала.

– Буруны по курсу! – шепнул мне дед.

Летисия с порога поинтересовалась, где Кампион. Мы объяснили.

– Тогда схожу к нему, отнесу корзину – в ней всё для крапахана¹⁷ и ещё апельсин. Я подумала, если он проголодается, что, конечно, вряд ли...

Она оборвала фразу, заведя – очень на это надеюсь – наши мрачные физиономии, закрыла дверь и поковыляла к маю. Мы провожали её взглядом через витрину.

– Она его достанет, – с грустью высказал дед мою мысль.

Через полчаса Летисия вернулась уже без корзины. Поникшая, немногословная, как и следовало ожидать, в руках она держала апельсиновые корки.

– Ему плохо, – сообщила мисс Вудс, печально жуя. – Даже фрукт не взял, а ему сейчас необходимы витамины. А эта

---

¹⁷ Традиционный шотландский десерт из взбитых сливок, виски, мёда, малины и обжаренных овсяных хлопьев.

свадьба только усугубила его внутренние тяготы. Он в подавленном состоянии, бедный наш Рэй.

С чего вдруг Кампиону могло сделаться плохо из-за свадьбы? Он так радовался этому событию за столом. Старик, должно быть, послал Летисию куда подальше, запустив ей вслед апельсином. Бедная она, но такая невыносимая. Устаёшь от одной мысли об этой женщине.

– Встретила доктора Макэвоя на обратном пути, – продолжила Летисия, выбрасывая корки в кухонное ведро. – Он искал Рэя. Хотел поговорить с ним, извиниться за своё отсутствие за обедом.

Было без четверти восемь, когда мы с дедом решили пройтись. Минут за пять до этого мисс Вудс приготовила себе чай на нашей кухне и, усевшись к нам за стол, предалась воспоминаниям о женщинах Сент-Фоуи. Я могу поклясться, что в моём больном ухе закипела морская вода от вибраций, что издавала рядом её гортань.

Мы не объяснили наш поступок, а просто встали, набросили куртки у выхода и вышли на волю. За закрывшейся дверью остался надоедливый гам, и теперь наш слух ласкали волны – к вечеру они опять разбушевались и дрались друг с другом и со скалами. Где-то в сумраке раздавались крики чаек, и прохлада была сейчас особенно приятной. Как здорово, подумал я, что среди женщин есть природа. Эту женщину я могу слушать часами.

Мы побрели в сторону маяка – тот уже всю гонял по

кругу яркую стрелу света – и на углу дома практически столкнулись с Джоном Макэвоем.

– О, мистер Гарфилд, – поспешил он поздороваться. – Извините, что напугал. В потёмках немудрено и нос разбить.

– Всё в порядке, – сказал дед. – Наши носы не пострадали. Неуклюжее «м-да» вырвалось у Макэвоя.

– Я поднимался к мистеру Кампиону, – сказал он, собравшись с мыслями. – Ходил извиняться, что не смог прийти на чай – уезжал как раз в город по срочному вызову. Вот только вернулся и сразу к нему.

– Не переживайте, – ответил дед. – Всё в порядке. Вы ведь хорошо относились к Джозефу при его жизни, этого более чем достаточно.

Макэвой хмыкнул, его губы слегка сжались в кроткой улыбке.

Я было подумал, что он как-то странно себя ведёт и что-то темнит, но тут же заметил большой докторский чемоданчик в его руках и понял, что ошибаюсь. Макэвой действительно с вызова.

Мы распрощались и побрели дальше и остановились только у самого подножия маяка, чтобы полюбоваться сумеречной Мариной. Справа, совсем неподалёку, маячило что-то небольшое и светлое, оно вздымалось и опускалось вместе с волнами. Мы начали присматриваться, шуриться. Взору наконец вырисовался небольшой белый катер с кадди-каби-

ной¹⁸, на его боках сквозь мрак начали проступать синие кресты.

– Так ведь это же подрядчик Кампиона! – вспомнил я.

– В самом деле? – удивился дед. – В такое время?

– Вряд ли лодка сможет ошвартоваться. Волны ей не позволят. – Я глянул на часы. – Без одной минуты восемь. И вправду странно. Может, следует сообщить Кампиону?

– Пожалуй что.

Дед распахнул дверь в маячную башню и окликнул Кампиона. Я пытался рассмотреть человека в носовой каюте, но лишь угадывал чью-то фигуру, а может, и ошибался, принимая за человеческий силуэт цветные пятна в глазах от излишнего напряжения. Катер обречённо болтался у линии скал. Ему никак было не пристать к берегу из-за сильных волн, что продолжали с рёвом рушиться у самых моих ног.

Я вошёл внутрь вслед за дедом, закрыл за нами дверь и тут же наступил на что-то скользкое. В нос ударил резкий цитрусовый запах. Я оторвал ступню от пола, под ней оказалась придавленная апельсиновая корка.

– Мисс Вудс всегда с нами, хотим мы этого или нет, – сказал я и поднял голову.

Слух объяла невыносимая тишина, взор устремился в воронку бесконечной лестницы. Настоящее магическое упражнение для глаз.

– Старый чёрт оглох, по-видимому, – кинул дед.

---

¹⁸ Катер с носовой кабиной.

Тогда я крикнул что было мочи, отчего неожиданно вытекла вода из уха. Это была хорошая новость – боль наконец отступила. Плохая – Чемпион по-прежнему не отзывался. Ковылять на самый верх не было никакого желания.

– Скорее всего, у него открыто окно, – предположил дед. – Волны и ветер – потому не слышит. Но сообщить о катере ему надо.

Пока я думал, как избежать неизбежного восхождения, снаружи донёсся какой-то глухой звук, похожий на стон. Мы с дедом испуганно глянули друг на друга и выбежали к морю. То, что мы увидели, напоминало дежавю: какая-то фигура с криками билась в бушующих волнах, однако не похоже было, чтобы человек тонул. Мы простояли так секунд десять, пока смогли вполне убедиться, что безумец сможет добраться до берега. Доплыв до скал, он стал взбираться к нам, и тогда мы наконец увидели его лицо.

Я в смятении вскрикнул:

– Дуглас!

– Что же ты делаешь, бедняга! – дед снял свою штормовку и накинул на плечи Дугласа.

Тот скулил точно щенок. С него ручьями стекала ледяная вода.

– Вот так, не спеши.

Мы подхватили Дугласа под руки и почти понесли к дому. Сквозь жалобное нытьё стали угадываться слова:

– Он плохой человек... Дуглас прогнал его...

– Кого прогнал? – спросил дед.

– Его здесь быть не должно!

– Кого?

– Морского дьявола! – эти слова Дуглас произнёс с яростной ненавистью. Таким я его слышал и видел впервые.

Мы добрались до магазина, втащили Дугласа и усадили в кресло, поверх дедовской штормовки набросили шерстяной плед. Летисия – бог ты мой! – Вудс уходит и не думала. Она как раз допила свой чай, поэтому наш драматичный антре¹⁹ был весьма вовремя. Летисия кинулась с расспросами, но уже через мгновение была отослана за горячим чаем с молоком для промокшего насквозь младшего Макэвоя. Мы дали время бедолаге прийти в себя, тот принялся отхлебывать из кружки, держа её обеими посиневшими от холода руками. Потом поблагодарил и попросил ещё. Летисия была только рада суете.

Мы с дедом сидели смирно против Дугласа и ждали, когда он заговорит, но он не заговорил. А допытываться чего-нибудь у такого человека... Вы же помните, что я вам о нём рассказывал. И мы так и не выяснили, какого морского дьявола прогонял Дуглас в море.

Пролетело часа два без малого. Дуглас, кажется, согрелся. Его присутствие магическим образом приглушило звук в репродукторе мисс Вудс, так что она всё это время смогла негромко разговаривать с нами и походить на нормальную

---

¹⁹ Вход (франц.).

женщину. Право, в жизни не угадаешь, что происходит внутри этих рюшей и цветочков.

Однако ближе к десяти её активность и громкость стали вновь набирать обороты: мисс Вудс вознамерилась отнести термос с горячим чаем на маяк Кампиону. Мы с дедом разом зажмурили глаза, представив себе, как вслед бедной женщины летит термос, разбрызгивая кипяток. Это вам не апельсином швырнуть. В ответ Летисия удостоила нас целой лекции о бедном и несчастном Кампионе и его угнетённом состоянии. Мы предложили прекрасный выход из положения: мы сами отнесём термос, а Летисия направит свою любовь и ласку на ещё не окрепшего Дугласа. Женщина купилась. Мы подскочили, схватили термос и вышли. Победа хитрости и здравого смысла над противнейшим громкоговорителем на свете.

Пока мы брели, я думал: а не связан ли приход Джона Макэвой каким-то образом с Дугласом? Почему он сразу не зашёл в магазин, если пришёл к Кампиону? История, рассказанная Макэвоем, казалась наспех состряпанной с целью избавиться от мисс Вудс. Скорее всего, он искал сбежавшего Дугласа, а чемодан для вида прихватил.

Идея быстро выветрилась, потому что впереди я увидел Джуди, она вышла из-за маяка и остановилась у двери, явно в ожидании нас. Когда мы подошли, она была готова к неожиданной встрече, её круглые фарфоровые скулы были открыты нашему взору, хотя обычно их прикрывали золотые

волнистые пряди.

– Джуди?

– В такой вечер мысли не на месте, – объяснилась она, одарив нас грустным взглядом. – Решила развеяться. Вижу, вы тоже не в состоянии сидеть дома.

Мы кивали, имея в виду ещё одну особу, которой дома не сидится. Наконец-таки, решил я, мне выпал шанс сказать Джуди всё, что собирался.

– Вы наверх?

Дед кивнул.

– Несём горячий чай Рэю, – он посмотрел на меня.

В этом взгляде не разобрался бы только слепой: дед семафорил, чтобы я поднялся и доставил термос. И мне стало до смерти противно от мысли, что, по сути, я мало чем отличаюсь от Стэнли. У деда больные ноги, а я набрался наглости и стал посылать в ответ отчаянные SOS – уж больно не хотелось мне упускать посланный судьбой шанс объясниться с Джуди.

Дед улыбался печальными глазами, и старые его морщинистые веки, нависавшие над краешками глаз, делали этот взгляд ещё более усталым. Меж тем креп и мой отчаянный эгоцентризм, подстёгнутый возникшей из сумрака Офелией. Он в конечном итоге и помог мне победить. Дед понял, сжалился надо мной и, натужно кряхтя, полез наверх.

– Нам бы тоже здесь лучше не стоять, – поёжилась Джуди. – Вечер холодный.

Мы вошли вслед за дедом, Джуди прикрыла за нами дверь.

– Аккуратно, не поскользнись. – Я указал на апельсиновую корку.

В крошечной тишине отдавались эхом шаги деда над нашими головами. Пока он восходил, мы смотрели друг на друга почти в упор. Джуди казалась возбуждённое, чем прежде.

– Гуляла? Одна? – от неловкости я не знал, с чего начать.

– Как видишь.

– А Стэнли? – зачем-то выпалил я.

Джуди чуть наклонила голову, изучая моё лицо.

– В такой час его лучше не тревожить, – сказала она. – Не знаю, как он это переживёт.

Я поразился её наивности. Однако промолчал и кивнул понимающе. С минуту мы продолжали молчать, будто чужие.

– Значит, планируешь уехать с островов? – нашёлся я.

Джуди пожала плечами.

– Посмотрим. Зависит от разного.

– Например?

– Работа, дом. Всё это не берётся с неба, – она сказала это тоном измождённого горьким опытом человека, что выглядело по крайней мере странно. Однако, думал я, это можно было объяснить и иначе: Джуди давно планировала свой переезд в другие края.

Я вновь кивал, не находя верного подступа. Да и что я хотел от Джуди в тот момент? Скажу лишь, в нашем неловком

положении была и она виновата – сама затащила нас внутрь. Значит, она хотела мне что-то сказать? Тогда почему не говорила?

Дед как раз дошёл до верха – шаги остановились, послышался скрип отпираемой двери. И вдруг – отчаянный крик.

Мы запрокинули головы. Дед, перегнувшись через верхние перила, кричал:

– Макс! Макс! О боже!

– Что случилось?

– Кампион... он... мёртв!

– Что? – вскричал я. – Это точно?

– В его шее гарпун...

Я уже взлетел на лестницу, через три-четыре ступени. Джуди кинулась вслед. Мгновение – мы оказались наверху. В круглой маячной комнате, прислонившись спиной к центральному столбу, сидел на полу Рэй Кампион. В его шее сбоку, где проходит сонная артерия, торчал хвост зубчатого гарпуна.

Глава 5

Убийство

Довольно долго мы просто пялились на этот кошмар. Джуди быстрее всех сообразила – нужно звать полицию и доктора. Когда она убежала, мы с дедом не разговаривали. Мы не верили тому, что видели. На небольшом письменном столе гнездилась корзина мисс Вудс, очевидно не тронутая. Немного придя в себя, я обратил внимание на северное окно – то самое, что было напротив скалистого выступа. Оно было распахнуто, и в комнате царил холод. Я подошёл, высунился немного и попытался глубоко вдохнуть. Это оказалось непросто, как будто спазм сдавил всё внутри. По чугунной лавочке свиданий хлыстал бегающий свет.

Время муторно тянулось, но наконец явились Джуди и Натан Тёрнер. Пока доктор обследовал тело, стараясь не касаться его, Джуди объяснила:

– Я прибежала к Макэвоям, меня встретила Ровена. Я сказала, что произошло. У неё сначала, казалось, язык отнялся, лицо посерело. А потом она вдруг закричала на меня: «Уходи!» – и захлопнула дверь. Тогда я побежала к Тёрнеру, и мы вызвали полицию.

– Ведьма! – сорвалось у меня. – Даже от неё не ожидал такого.

Натан Тёрнер разогнулся, почесал затылок. С досадой произнёс:

– Он мёртв часа два, не меньше.

Дед прикрыл рот рукой, взгляд завис на страшной стреле, что прошла сквозь его друга.

– Рана, несмотря на разорванную кожу вокруг, нанесена довольно резко, – заметил Тёрнер. – Мистер Кампион умер мгновенно, острие вошло очень быстро.

– Часа два назад, говорите? – сказал я.

– Навскидку где-то между половиной восьмого и четвертью девятого.

– В восемь мы звали Кампиона снизу, он не откликался. Значит, он мог быть уже мёртв?

– Скорее всего, так, – Тёрнер взглянул на окно. – Это не вы открыли?

– Нет, – сказал дед. – Мы ничего не трогали.

– Возможно, мистер Кампион не слышал вас из-за открытого окна, но я сомневаюсь. – Натан Тёрнер нахмурился. – Я бы настаивал, что к восьми часам он был уже мёртв. Конечно, невозможно сказать точно без вскрытия. Есть малейшая доля вероятности, что смерть наступила немного позже восьми. В пользу этого может говорить холод, из-за открытого окна тело могло остыть быстрее.

Я вновь глянул на лавку свиданий.

– Метнули через окно? С обрыва?

– Маловероятно, – с сомнением сказал Тёрнер. – В гар-

пуне примерно три с половиной фута, и тяжёлый, такой не бросишь далеко – самое большее на три-четыре метра.

– То есть можно только воткнуть в человека, находясь рядом?

Доктор подумал, поскрёб подбородок.

– В принципе можно и выстрелить, если использовать какой-то арбалет, предназначенный для гарпунов. – Тёрнер опять задумался, покачал головой. – Нет, это практически невозможно. Думаю, тот, кто вонзил гарпун, находился здесь. К тому же, – он наклонился и стал водить мизинцем, не касаясь раны, – об этом говорят мелкие трещины вокруг входного отверстия. Я бы сказал, что гарпун вначале резко вонзили в шею, а затем медленно протолкнули насквозь.

– Какой ужас! – прошептал дед.

По спине пробежали мурашки.

Тёрнер ещё раз присел рядом с убитым Кампионом.

– Крови от такой раны немного. Видимо, обширное внутреннее кровоизлияние.

– А не могут эти трещины быть от зубцов на стволе гарпуна? – спросил я.

Тёрнер отрицательно помотал головой.

– Порезы были бы менее заметны. Зубцы невероятно острые. А так – кожа потрескалась от натяжения в тот момент, когда гарпун стали медленно толкать в шею. Нет, мистера Кампиона закололи руками, его убийца был с ним рядом.

Нам ничего не оставалось, как ждать приезда полиции.

Находиться в той комнате было не по себе, и мы решили подождать в магазине.

– Комнату лучше бы запереть, – сказал Тёрнер.

Дед опустил руки в карманы.

– Ключ в куртке остался. А куртка...

– На Дугласе, – закончил я.

– Да. У Рэя должен быть второй ключ.

Мы огляделись. Ключ висел на гвозде у входа. Я снял его, подождал, пока все выйдут, и уже с порога ещё раз взглянул на тело с гарпуном в шее. Ничего ужаснее в жизни не видел. Меня немного трясло, и мне казалось, что это сильно заметно, хотя остальные, скорее всего, ощущали нечто схожее. Я запер дверь на ключ, положил его в карман штанов.

По дороге в магазин я спрашивал:

– Кто мог это сделать?

Понятно, что мне не отвечали.

В магазине мы обнаружили, что Дуглас исчез, оставив дедовскую штормовку и плед в кресле. Летисия Вудс подскочила и мгновенно считала растерянность с наших лиц. Когда мы сообщили о случившемся, она, казалось, потеряла дар речи. Взгляд её повис где-то поверх наших голов, и она села на скамью, не издав ни звука. Я поверить не мог: эта женщина проглотила язык? Такой она мне больше нравилась.

Думаю, я не смог бы с порога назвать вам причину, по которой вновь мне увиделось что-то неладное в глазах Джуди, а когда Летисия встала и попыталась заговорить с ней, я всё

понял. Джуди была напугана так, что я мог на расстоянии чувствовать, как дрожало всё её тело. Она стала бояться Летисию.

Дед предложил разбудить Адама. Мы оставили женщин с Тёрнером, а сами прошли через внутреннюю дверь и поднялись на второй этаж. Пока мы шли, я думал: может, Джуди не напугана, а обижена за то, что Летисия огласила её тайну о свадьбе? Мы зашли в спальню и были полны решимости будить Адама, но не знали, как быть со Стэнли. Он проспал смерть брата и проспал смерть отца, и я почему-то был уверен, что, Расскажи ему заранее, что случится такое, он – как-какая дьявольская мысль! – так же спокойно лёг бы спать.

Я толкнул Адама, результата – ноль. Стал толкать сильнее. Наконец – что на меня нашло? – я залепил пощёчину моему амиго²⁰. Последовала вялая реакция. Дед посоветовал радикальный метод – стакан воды. Так и сделали. Адам пошевелил головой, его глаза скрывали примятые патлы, и вид был у него, как у пришибленного пса с волнами шерсти на морде. Он поведаль, как сильно раскалывалась его голова, а мы сообщили об убийстве, как раз в тот момент, когда за окном полился дождь.

Я стал рассказывать Адаму происшествие в подробностях, и тогда дед решил вернуться к Летисии, ведь «она совсем плоха», но это был предлог, чтобы не слушать. Дед не привык плакать. Дождь сначала усилился, но когда я закон-

---

²⁰ Друг (испан.).

чил рассказ, уже только моросило. Мы приняли решение не будить Стэнли. Адам оделся, и мы спустились в магазин.

Дед сидел во главе стола, рядом была Летисия, она держала деда за руку и что-то говорила, хотя её никто не слушал. Джуди стояла у окна. Спина Тёрнера маячила сквозь витрину, он вышел на террасу покурить. Когда он вошёл через минуту, то негромко сообщил – приехала полиция.

Мы встретили инспектора и нескольких офицеров, предложили им вначале пройти в магазин, где подробно обо всём рассказали. Когда предстояло пойти к маяку, Джуди оживилась:

– Вы позволите пойти с вами?

Инспектор одарил её суровым взглядом.

– Оставайтесь, мисс Рассел. Приглядите за мисс Вудс, она сильно расстроена. К тому же если проснётся мистер Кампион, вы сможете ему всё рассказать, избавив нас от лишних хлопот. Тёрнер, вы нам понадобится!

Я передал ключ инспектору, и нам с Адамом разрешили подняться, но в комнату входить запретили. На верхней площадке лестницы, когда инспектор отворил дверь, в горле моём дыхание застряло. Гарпуна в шее Кампиона не было!

Глава 6

Загадка

Инспектор не проронил ни звука. Он прошёл к убитому, нагнулся и взглянул на рану с обеих сторон. Кто-то вытащил зубчатую стрелу, раздробив внутренние органы на шее трупа. Тот, кто это сделал, очень торопился, в шее Кампиона зияла настоящая дыра.

Инспектор выпрямился, его лохматые брови сдвинулись и почти касались друг друга. Он подошёл к двери и осмотрел замок.

– Сколько ключей существует от этой комнаты?
– Два, – сказал дед. – Один у Кампиона, второй у меня.
– Это ключ Кампиона, – вставил я.
– А где ваш, мистер Гарфилд?
– Остался в куртке. Я забыл о нём. – Дед рассказал про канитель с Дугласом.

– Очевидно, что больше сюда никак не проникнуть. – Инспектор с сомнением взглянул на окно. – Разве что по канату?

Кажется, мы все немного оторопели от такого предположения. Уж слишком много возни предстояло бы, решишь кто-нибудь залезть сюда с обрыва.

– Мистер Гарфилд, вы уверены, что ваш ключ всё ещё в

куртке?

Дед немного растерялся. Как он мог быть в этом уверен?

– Пожалуй, – почему-то ответил он.

– Проверить всё же стоит, – инспектор отослал молодого офицера за дедовой штормовкой.

Пока мы ждали гонца с докладом, Тёрнер повторил своё заключение относительно времени смерти. Инспектор слушал, тщательно осматривая шею убитого. Он был полностью согласен с доктором: Кампиона убили между половиной восьмого и десятью минутами девятого.

На лицо инспектора напоздзли тучи. Он был в равной степени, как и мы, озадачен, но если нас печалила смерть нашего друга, инспектора больше занимала кража орудия убийства. Это выглядело нелогично. Зачем убийце красть гарпун? Не знаю, какой чёрт меня дёрнул сказать это вслух.

Инспектор поднял голову. Я думал, меня попросят отсюда, но инспектор сказал:

– Нет оснований считать, что это дело рук одного и того же человека. Пока мы не знаем, почему убили мистера Кампиона, но список причин не так велик.

Я не сомневался, что он говорит дело. Ему виднее.

– В то время как причин украсть гарпун, – продолжил инспектор, – гораздо больше.

Мы немало удивились, не находя и одной причины, по которой орудие убийства было украдено. Инспектор своими соображениями не стал делиться, что вполне объяснимо.

Вернулся офицер с дедовой курткой.

– Ключа нет, сэр.

Инспектор мрачно кивнул.

– Это упрощает... в некотором смысле, – сказал он. –

Нужно узнать, кто взял ключ из вашей куртки, мистер Гарфилд.

– Но...

– Да, мистер Гарфилд?

Все взгляды нацелились на моего деда. Наконец он обрёл голос:

– Никто не мог знать, что ключ был именно в моей куртке.

– Вы ошибаетесь. Кое-кто мог опустить руку в карман вашей куртки. Машинально, разумеется.

Верно. Ключ мог взять только Дуглас. Однако для чего?

Нас попросили удалиться вниз. Инспектор ещё какое-то время осматривал помещение на маяке, затем подоспевшие из города врачи увезли тело Чемпиона. Тёрнер тоже поехал на вскрытие.

Инспектор вышел к нам и, похоже, был чем-то рассержен.

– Чуть не убился! – клял он злосчастный «привет» от мисс Вудс, который держал в руке.

Он отшвырнул апельсиновую корку и глубоко выдохнул.

– Вы знаете, кому это может принадлежать? – инспектор достал из кармана бумажный пакетик, в котором лежал сложенный в несколько раз небольшой квадрат белой ткани.

– Что это? – спросил дед.

– Носовой платок. Нашли на середине лестницы. Вероятно, кто-то в спешке обронил.

– Его ведь могли обронить и раньше, – предположил я.

– На нём свежие пятна крови, – инспектор поднёс пакет к глазам. – И вышитая золотом буква «Д».

Дед нахмурился.

– Золотом?

Инспектор кашлянул.

– Вещь недешёвая. Из шёлка. Мне доводилось держать в руках такие экземпляры, когда я стажировался на континенте. Тридцать фунтов за кусок материи в столичном бутике. У нас на острове, обладая такими деньжищами, можно год не работать. Как считаете?

Дед покачал головой.

– Вряд ли кто в Сент-Фоуи станет утирать сопли шёлком.

Инспектор чему-то ухмыльнулся и убрал платок в карман.

– Стало быть, Рэй Кампион ждал гарпуны? М-да, он их получил сполна, – на последних словах инспектор резко посмотрел на каждого из нас так, что смог бы заметить любое подозрительное колыхание ресниц или нервное подёргивание. В то же время это был бросок мастера – так учтиво, деликатно звучал его голос. Не сводя с нас пронизывающего взгляда, он спросил:

– Куда же делась лодка?

Только сейчас мы обратили внимание: катера с синими крестами не было, а море меж тем дыбилось пуще прежнего.

Сонмы волн, бранясь и злясь, шипели и набрасывались друг на друга словно змеи. В такой бойне, как эта или та, что чинилась здесь сутки назад, когда погиб Джозеф и едва не погибли мы, мог запросто пойти ко дну и подрядчик с катером. Всё же, надеюсь, он просто уплыл.

Мы описали лодку, и я ещё раз пересказал наш утренний разговор с Кампионом. Дед нашёл всё это странным.

– У нас с Рэем было чёткое разделение в бизнесе, – объяснил он. – Закупкой продуктов занимаюсь я, а что касается снастей и прочей мелочёвки для рыбной ловли, то всё это являлось заботой Рэя. Гарпунов у нас прежде не было, обычно те, кому они нужны, ездят в город.

– Не торговали гарпунами, значит? Интересно, – инспектор закурил.

Мне стало вдвойне интересно, почему это могло так заинтересовать инспектора. Последний словно прочитал мои мысли:

– Стало быть, Кампион сообщил о появившемся спросе?

– Верно, сэр.

– Вы можете описать гарпун?

– А что описывать? Длинное копьё, металлическое, с зубцами на древке, – сказал я.

Инспектор перевёл взгляд на деда.

– Острога около трёх с половиной футов, довольно старая, с того конца, что мы видели, была ржавчина, – пояснил в свою очередь дед. – Зубцы длинные и очень острые.

– Значит, старая?

Инспектор потёр щёку. Успевшая с утра отрасти щетина зашуршала под ладонью.

– Верно. В былое время мы такими пользовались, когда охотились вчетвером. Мы садились в вельботы, отходили от судна и выстреливали гарпуном в большую рыбу.

– Вы охотились на китов?

– Нет, рыба была меньше.

– Значит, мы имеем загадку, – инспектор прочистил горло. – Рэй для кого-то заказал гарпуны, но с утра подрядчика не было, а вечером он не смог ошвартоваться из-за шторма. Следовательно, интересующий нас гарпун не из тех, что должны были доставить. И тогда тот же, кто заказал их у Рэя, или кто-то другой берёт старый гарпун, свой или чужой, поднимается и закалывает Кампиона, оставляя копьё в теле жертвы. А затем тот же, кто убил, или кто-то другой крадёт гарпун.

Полицейский обнаружил в пальцах забытую сигарету, затянулся, помедлил какое-то время, размышляя.

– Может статься, что мы ищем во всех трёх случаях одного и того же человека, а может, нам следует искать трёх человек.

Инспектор докурил, затушил сигарету о стену маяка и щелчком забросил окурочок в камни.

– Кого-нибудь ещё встречали, когда проходили к маяку в восемь часов?

Мы рассказали, как без десяти восемь столкнулись с Джоном Макэвоем и о том, что он нам говорил. Ещё раз повторили, как мы звали Кампиона ровно в восемь, но он не отзвался. Инспектор что-то записал в блокнот, а после хрустнул шеей и повертел головой.

– От магазина до маяка минут семь-десять, не больше, – сказал он. – Подъём к маяку занимает минуты две неспешным шагом. Если бежать, то чуть больше минуты, – инспектор нахмурился. – С мистером Макэвоем мы ещё поговорим. Но если он не врёт и Кампион был ещё жив, когда он уходил, то убийство могло произойти начиная с без двадцати восемь. Допустим, кто-то прятался у подножия маяка, и, когда Джон Макэвой вышел, неизвестный мог подняться и заколоть мистера Кампиона.

Я почувствовал холодок по позвоночнику. Мне показалось, что остальные тоже поёжились. Дождь, доселе нехотя сеявшийся, усилился, и мы двинули к магазину.

Инспектор, глядя себе под ноги, сказал:

– Надеюсь, вы не против, если ключ я оставлю у себя?

Дед кивнул. Инспектор по-прежнему не поднимал взгляда, но я почему-то был уверен в наличии у него потайных боковых глаз, которыми он исподволь наблюдал за нами.

В магазине нас всё ещё ждали Джуди и наш верный пёс – Летисия Вудс. Услышав про исчезновение гарпуна, обе дамы вытянули лица – Джуди в той степени, в какой допускается воспитанным девушкам; мисс Вудс же изобразила все жесты

и гримасы женского потрясения, что смогла извлечь из глубин своей поэтической натуры.

Инспектор поступил мудро, решив вначале отвязаться от словоохотливой Летисии. Та была в страстном возбуждении. Ей было что сказать. Не буду утомлять вас пересказом, скажу лишь: ничего нового из её пламенных речей не выплыло, за исключением, пожалуй, последнего:

– Это было в одиннадцатом часу. Шон и Макс ушли отнести термос Рэю, а я оставалась с Дугласом. Бедное создание! Я наливала ему и себе чай, когда вдруг заметила в витрине какое-то жёлтое пятно. Оно пронеслось так быстро, что я даже не успела ничего понять.

– В каком направлении оно двигалось, мисс Вудс?

– Со стороны маяка. Словно ураган. На секунду мне даже казалось, что кто-то несёт зажжённый факел, как Прометей. Да ведь сквозь мутное окно во тьме что угодно почудится, скажете вы, верно? Но Дуглас тоже заметил пятно, хотя он сидел полубоком к окну. Дуглас был очень встревожен. Он так и не выпил чай, что я приготовила, и, скинув плед и куртку, выбежал на улицу.

– И куда направился?

– В сторону дороги. Я решила, что он погнался за пятном. Возможно, он подумал, что это морской дьявол... понимаете...

– Понимаю, – поспешил заверить инспектор.

– Но я думаю, он просто побежал домой.

Повисла небольшая пауза.

Летисия сказала:

– Знаете, я подумала, что это пятно... ну, разумеется, это был человек. А жёлтый цвет – нечто вроде дождевика, которыми рыбаки накрываются. Но вот беда-то: почти у каждого может быть такой дождевик! Они есть даже здесь, в магазине.

Мы посмотрели в сторону полки с прозрачными дождевиками, поблёскивавшими на свету. Дед торговал ими с незапамятных времен. Оставалось уповать на то, что сказанное не было лишь призрачной фантазией Летисии, хотя был ведь ещё и Дуглас.

– Мисс Вудс, пока вы были здесь, кто-нибудь подходил к штормовке мистера Гарфилда?

Летисия театрально воздела руки, вытаращила глаза:

– О боже, нет, конечно!

– Ясно, ясно! А скажите, кто-нибудь ещё был наверху, когда вы поднимались на маяк к убитому?

– Совершенно никого! – запротестовала Летисия.

– И окно в маячной комнате было открыто?

– Окно?... – Летисия словно споткнулась. – Не понимаю. При чём тут окно?

– Вы помните, было ли открыто окно, выходящее к скалистому выступу?

Мисс Вудс расправила оборки на груди.

– Разумеется, оно было закрыто.

– Вы уверены?

– Абсолютно! Даже и быть иначе не может! В такую-то стужу!

– Благодарю вас. Вы можете идти.

Это было совсем не то, чего хотела Летисия, однако инспектор настоял.

Летисия Вудс, вооружившись маленьким походным зонтом в цветочек, удалилась восвояси.

Остальные присели за стол, дед и мы с Адамом по одну сторону от инспектора, Джуди – по другую. Инспектор спросил, что Джуди делала в предполагаемое время убийства и весь оставшийся вечер.

Джуди рассказала: в момент убийства она находилась дома вместе с отцом. Примерно в четверть десятого она вышла из дома, чтобы погулять. Вечерний моцион привел её к маяку где-то без двадцати или без пятнадцати десять. Она была одна и никого не видела. Вскоре подошли мы с дедом.

Когда инспектор попросил Джуди показать свой платок, я испугался.

Инициал «Д»!

Но Джуди совсем не испугалась.

– Я оставила его дома, инспектор, – сказала она кротким голосом.

– На нём есть ваши инициалы?

С минуту Джуди молчала, о чём-то размышляя.

– Дело в том, инспектор, что я пользуюсь платками моей

матери, почившей семь лет назад. На своих платках она всегда писала первую букву своего имени.

Меня вновь ударило током.

– Как её звали?

– Джейн, сэр.

Инспектор кивнул. Затем достал пакетик с найденной уликой.

– Инициал вашей матери вышит как здесь?

Джуди опустила глаза на белый шёлк.

– Что вы, сэр! – на этот раз Джуди не удалось скрыть волнения. – Даже в самые лучшие годы наша семья не могла бы себе позволить и дюйма такой ткани.

Инспектор убрал платок.

– Ваш отец, должно быть, волнуется, где вы сейчас?

Джуди поняла намёк и смиренно кивнула. Даже после дождя при электрическом свете золото на её голове неустанно переливалось от тёмных до светло-песочных оттенков, словно над макушкой её пламенело химерическое свечение. Я говорю химерическое, поскольку этот свет лишь мерещился мне. Тот мираж, рождённый в моём воображении, сильно контрастировал с болезненно-бледной кожей и светлыми, как у сирены, глазами, в которых билась тревога.

Джуди попрощалась и тихо вышла.

Я чувствовал, что поведение Джуди было неестественным – существо её было словно загнано в угол и ожидало битья. Такой она мне представлялась, когда, выходя из магазина,

она на мгновение кинула осторожный взгляд в мою сторону.

– Теперь, – ворвался в мои грёзы сухой голос инспектора, – вопрос к вам, мистер Гарфилд.

Дед приподнял унылое лицо, брови его дёрнулись.

– Кому может быть выгодна смерть Рэя Чемпиона?

– Совсем никому, – подумав, сказал дед. – У Рэя не было врагов. Его окружали только друзья.

– Разумеется, – парировал инспектор. – Но кто-то же наследует деньги, верно?

Дед нахмурился.

– Завещание вряд ли составлялось, – сказал он.

– Значит, всё унаследует Стэнли?

– Должно быть, так.

И добавил чуть погодя:

– Да там не такая уж большая сумма, я полагаю. После чёртовой этой войны мы так и не оправились.

– О какой сумме речь?

– Тысяч пять фунтов, не более.

– Ну-у... – протянул инспектор. – Этого хватит, чтобы уехать куда-нибудь, начать своё дело, в конце концов.

Дед поднял брови и впервые взглянул в серое, морщинистое лицо инспектора так, словно завидел в нём нечто доселе невиданное.

– Инспектор, дайте Стэнли хоть миллион, он не будет знать, что с ним делать.

– Вы считаете это невозможным?

– Я считаю это абсурдным.

Я кивал, соглашаясь с дедовой горькой мыслью, хотя моё мнение инспектора не интересовало.

– В любом случае, – продолжал инспектор, – пока что это единственный возможный мотив, который приходит на ум. Жестокий, да. Хотя случаев, когда дети убивают родителей ради денег, не счесть. Гораздо реже происходит наоборот, но там и мотивы другие.

– Инспектор, – всё же вставил я, – но ведь Стэнли спит. Он зевал во всю пасть и отправился спать после ужина, наплевав даже на свою работу. Как же он мог?

Ответ был ясен – да, Стэнли мог притворяться, что хотел спать. Я не оправдывал ублюдка, просто хотелось понять, в чём тут дело. Мог ли какой-нибудь мало-мальски преступный замысел зародиться у нашего Стэнли, чтобы он сумел всё это придумать и осуществить? Вряд ли.

Остальные прекрасно это понимали. Но ухватиться больше было не за что.

Инспектор спросил Адама, на всякий случай, не просыпался ли он до тех пор, пока я не разбудил его. Нет, Адам спал как убитый, его силы были растрачены в ночь Деймоса²¹.

Инспектора интересовало расположение спален в доме. Мы объяснили – на втором этаже три комнаты: спальня Кам-

---

²¹ В греческой мифологии один из сыновей Ареса и Афродиты, олицетворение ужаса.

пиона, спальня деда и спальня Стэнли и Джозефа, в которой мы с Адамом соорудили две двухъярусные кровати. Я и Стэнли спали на верхних койках, Джозеф и Адам – на нижних. Этим вечером Адам спал на своём месте внизу и потому, даже если бы он просыпался, то никак не смог сказать бы наверняка, был ли Стэнли наверху или нет.

Удовлетворённо кивнув, инспектор заключил:

– Значит, у Стэнли плохое алиби.

Глава 7

Стэнли

Нам ничего не оставалось, как будить Стэнли. Занятие было скверным: мы все испытывали к парню жалость и презрение.

Стэнли, как и мой друг, проснулся от воды, выплеснутой в физиономию. Мы долго не могли привести его в чувство. Не похоже, чтобы он играл в спящего. Можно недооценивать его по многим пунктам, но что касается артистизма, то такого пункта насчёт Стэнли просто не существует.

Дед открыл окно, чтобы Стэнли скорее пришёл в себя, и стоячий душный запах в комнате быстро сменился ночным отрезвляющим воздухом.

Стэнли сел в кровати свесив ноги. Взъерошенные клоки волос, открывающие две большие залысины, широкое, как у Рэя, лицо, помятое и опухшее, словно после затяжной гулянки. В обычных обстоятельствах его лицо бывало даже приветливым, но с этим явлением в деревне не многие сталкивались. И этому типу тридцать пять лет. Выглядел он как проспавший все уроки школьник. Крупные сильные руки упирались в край кровати, пока челюсти лунатически перемалывали что-то.

Услышав про убитого отца, Стэнли не проронил ни сло-

ва. Попросил сигарету. Инспектор протянул из своей пачки вместе со спичками. Затянувшись, Стэнли окинул нас беглым взглядом. Клянусь, мне казалось, он сейчас заржёт во всю глотку и отвесит нелепую шутку. Наверное, мне бы этого хотелось, потому как жалость к нему в тот момент перевешивала.

Стэнли спокойно спросил, выдувая дым:

– Кто убил старика?

– Пока не знаем, – объявил инспектор. Затем добавил: – Вас не шокирует новость?

Стэнли задумался.

– Нет. Не шокировала.

– Вы объясните?

– Что объяснить? А почему я должен быть шокирован?

Инспектор глянул на деда, на нас.

– Кто-то хотел смерти вашего отца? Вам что-то известно?

– Ни черта подобного. – Стэнли поморщил лоб. – Чёрт подери, голова раскалывается.

Он докурил, потушил сигарету о блюдце у изголовья, прыгнул вниз с верхнего этажа двухъярусной кровати. Глянул в окно, где бились о скалистый берег волны.

Инспектор сделал шаг вперёд.

– Мистер Кампион, в шесть часов вечера вы отправились в свою комнату, верно?

– Ну.

– И больше никуда не выходили до сих пор?

– Никуда. Спал как убитый. Старика это огорчило, – Стэнли хмыкнул.

Инспектор поводил пальцем по лбу, размышляя.

Наконец он сказал:

– Похоже, более вы нам ничего не поведаете?

Стэнли обернулся, его челюсти продолжали сомнамбулически двигаться, а взгляд ничего не выражал. Кажется, мы были для него абсолютно чужими людьми в тот момент. Он отрицательно покачал головой.

Тогда инспектор немного изменил заданный вопрос:

– Вы уверены, что у вашей семьи не было врагов?

– Ерунда, – сказал Стэнли.

– А у вас лично?

– Ерунда, – повторил Стэнли.

Инспектор понимающе покачал головой.

– Примите мои соболезнования, – сказал он.

Стэнли глянул в нашу сторону, но промолчал. Как только мы стали выходить, он неожиданно произнёс:

– Я слышал, как он говорил по телефону.

– Так, – инспектор резко двинул обратно. – Продолжайте.

Мы медленно потянулись следом.

Стэнли чему-то усмехнулся.

– Он говорил о наркотиках. Я думаю, это касалось Джозефа, – с неохотой процедил он.

– Когда это было? – инспектор достал записную книжку и ручку.

– Дня два или три назад. А может, и неделю...

Я видел, как инспектор быстро нарисовал 2-3-7 в блокноте.

– Старик думал, что он один в доме, но я тогда задержался. Понимаете? – Стэнли глянул на инспектора исподлобья и добавил дерзким голосом: – Я был с невестой у себя в спальне.

То есть здесь, подумал я.

– Я провёл Джуди, а на обратном пути слышу, старик рвёт и мечет у себя в кабинете. Дверь была приоткрыта. Мне стало вдруг интересно.

«Впервые в твоей поганой жизни тебе стало интересно, распросукин ты сын!» – мысленно озлобился я.

– И что конкретно вы слышали?

– Курево найдётся ещё? – помолчав, спросил Стэнли.

Из пачки инспектора он взял две сигареты и одну сразу убрал за ухо. Инспектор чиркнул спичкой. Затянувшись, Стэнли звучно выдохнул через рот.

– Какая-то ругань, я не разобрал, что к чему. – Стэнли лениво потёр шею большим пальцем руки, державшей сигарету. – Вроде бы старик узнал, у кого Джозеф брал наркоту. Не знаю, где он телефон раздобыл, наверное, в тайнике Джозефа. – На последних словах Стэнли вновь ухмыльнулся. – Братишка скрытничал, со мной не делился.

– У брата был тайник?

– Наверняка. Не спрашивайте где, всё равно не знаю.

Бегло нацарапав что-то в своих записях, инспектор сказал:

– Ваш отец собирался увидеться с тем человеком?

– Думаю, да. Да, сейчас точно помню.

Здесь Стэнли потянул руки вверх и громко зевнул.

Я чувствовал недоумение, неловкость и отвращение, даже отводя глаза в пол.

– Отец вроде бы просил встречи с тем типом и как можно скорее. Вроде он переживал, что Джозефу вконец худо.

– Как вы считаете, ваш отец рассчитывал переговорить и разобраться каким-то образом с наркоторгером? – спросил инспектор.

Стэнли засмеялся. Этот ублюдок совсем не отдавал себе отчёта в том, что произошло.

– Разобраться? Ха! Он бы ему пересчитал все зубы, а потом, – свистнул Стэнли, – в ящик и под землю заживо, как пить дать! Вот и весь разговор.

Инспектор и все мы стояли истуканами и смотрели на зашедшегося хохотом детину. Чуть погодя Стэнли успокоился, его широкая физиономия приняла привычное брюзгливое выражение, одна рука по-прежнему не вылезала из кармана.

– Ваш отец говорил вам, для кого заказал гарпуны?

Стэнли вновь уставился в открытое окно.

– Я в эти дела не лезу, – сказал он. – Моё дело – маяк.

– И всё же...

– Ничего он мне не говорил! – рявкнул Стэнли, обернувшись. – Я же сказал, мне это неинтересно. Я сказал всё, что знаю. Из-за Джозефа его прихлопнули. Ясно?

– В каком смысле?

– В прямом. – Стэнли выкинул окурок в окно. – Старик, я уверен, назначил встречу тому типу с зельем. Ну, должно быть, не подрассчитал силы. Тот, наверное, дятел выше него на две головы был. Зарубил без разговоров. Старик и понять ничего не успел.

Никто не переглянулся, все продолжали сверлить взглядом доски под ногами. Инспектор закрыл записную книжку и положил её вместе с ручкой во внутренний карман пиджака, затем он принёс ещё раз свои соболезнования, и мы все тихо удалились.

В магазине мы обнаружили неожиданного посетителя. Вид Джона Макэвоя был встревоженным, но только самую малость. Врачи умеют держаться хладнокровно в эмоциональных ситуациях.

Макэвой сказал:

– Это правда?

– Смотря, что вы называете правдой, – уклончиво ответил инспектор.

– Жена говорит, Рэй Кампион мёртв?

– Убит, если точнее.

Макэвой мрачно кивнул.

– Когда это произошло?

– Сразу же после того, как вы ушли от него.

С минуту все молчали.

– Это точно?

– Мистер Тёрнер обследовал тело. Если бы не ваша жена, это могли бы сделать вы.

– Понятно, – сказал Макэвой.

– Вы говорили, что для чего-то ходили к мистеру Кампиону, – не сводил глаз с собеседника инспектор. – Не могли бы вы рассказать подробнее о вашем визите на маяк?

– Конечно. Дайте сообразить. – Джон Макэвой прикусил губу, и морщина меж его бровей стала резче, одна рука скользнула по пиджаку вверх к груди, но тут же опустилась обратно. – Так, значит. Я был в городе на вызове. У миссис Динн было подозрение на инсульт, но всё обошлось. Никого из местных врачей она видеть не хотела и послала за мной. Покончив с делами, я выехал из города и направился в Сент-Фоуи.

– В котором часу это было?

– Примерно без двадцати семь. Так, кажется. Я доехал до дома, должно быть, было уже четверть восьмого, оставил машину и сразу отправился к Кампиону. У магазина я встретил мисс Вудс, от неё узнал, что Кампион на маяке, и отправился к нему на маяк. Так получается. – Руки Макэвой опустились в карманы пиджака, но вскоре вынырнули и сцепились за спиной.

Инспектор сделал необходимые пометки в записной

книжке.

– О чём вы беседовали? – спросил он.

Джон Макэвой нашёл вопрос странным.

– О чём может говорить убитый горем отец – о сыне, разумеется. Я пришёл выразить ему поддержку и принести свои извинения, что не был на «большом чае».

– Вы пробыли наверху...

– Не больше трёх-четырёх минут. Не хотелось давить на рану.

– Он был один?

– Чемпион? Ну да, один.

– Скажите, в каком настроении он пребывал?

На этот раз не только Макэвой – мы все сочли вопрос неуместным.

– Я полагаю, что уже ответил на этот вопрос, – сказал врач.

Инспектор кивал, хотя в глазах его таилась какая-то уловка. Макэвой, впрочем, был не робкого десятка – он превосходно держался.

– Кроме мистера Гарфилда и его внука вы встречали кого-нибудь на обратном пути?

– Никого, – прозвучал ответ.

– Ясно, – чуть подумав, инспектор спросил: – Надо полагать, вы были в хороших отношениях с убитым?

– О, безусловно. Он был замечательным человеком, мы ладили как соседи и вообще.

– Мистер Макэвой, попытайтесь вспомнить, – говорил ин-

спектор уже более мягким тоном, – когда вы разговаривали, было ли открыто окно?

Джон Макэвой напряжённо нахмурился.

– Кажется, закрыто, но я точно не помню. Погода была ветреная, вряд ли Кампион захотел бы открывать окно, – и, подняв взгляд, спросил: – А это важно?

Инспектор сделал неопределённый жест в воздухе.

– Сейчас всё важно.

Макэвой кивнул.

– Разумеется.

– Вы не помните, мистер Кампион ожидал кого-нибудь?

– В каком смысле? – спросил Макэвой.

– Он вам не говорил, что к нему должны были прийти с минуты на минуту?

– Н-нет, такого не было.

– А как насчет гарпунов? Он вам не говорил о них?

Джон Макэвой сглотнул, оставаясь непоколебимым.

– Ни о чём таком мы не говорили. Я приходил, только чтобы сказать, как соболезную его утрате.

– Конечно, – кивал инспектор. – Это всё, о чём вы говорили, – кивнул он утвердительно, не сводя глаз с доктора.

– Это всё, о чём мы говорили, – сказал Макэвой.

Инспектор постучал ручкой по своим записям.

– Пожалуй, мне не стоит более задерживаться, – заторопился доктор. Его пальцы мяли край пиджака.

– Ещё немного, мистер Макэвой, – сказал инспектор су-

хо. – Были ли у вас какие-нибудь нерешённые дела с убитым?

Ответ прозвучал спокойно, уверенно:

– Никаких, смею вас заверить.

– Мистер Макэвой, могу я попросить вас показать мне ваш платок?

Кажется, мы все напряглись, как будто готовились к чему-то нехорошему. Все, кроме Макэвой, – его просьба инспектора никоим образом не удивила.

– Конечно, вот. – Доктор достал из кармана пиджака немного смятый кусок серого хлопка.

Инспектор взял платок, повертел его, заглядывая под каждый угол.

– Без инициалов, – сказал Макэвой.

– Вижу, – инспектор передал платок хозяину. – Спасибо, что зашли.

Джон Макэвой попрощался и вышел из магазина.

– Будем искать телефонного собеседника, – сказал инспектор, провожая взглядом мрачную фигуру доктора. – Вы ничего не знаете об этом?

Мы помотали головами.

– Странно, что Рэй мне ничего не сообщил, – пожал плечами дед. – Мы ж вместе искали тайник Джозефа, где он прятал наркотики.

– Видимо, Рэй Кампион нашёл только записку с телефонным номером, – сказал инспектор, проглядывая свои записи. – Чёрт возьми, – он тяжело выдохнул через рот, и до нас

долетел неприятный запах. – В голове маячит по-прежнему эта ваша лодка с крестами. – Он глянул на меня, затем, обращаясь к нам с Адамом, добавил: – Необходимо сразу сообщить полиции, если кто-нибудь увидит треклятую лодку. Мы тоже будем искать. Ясно?

Мы кивнули. Инспектор выругался и спрятал записную книжку в карман.

– Объявим в розыск. Пока что у нас два явных мотива, – сказал он, заправляя выбившуюся из брюк рубашку. – Либо наркоторг убил недовольного отца своего клиента, либо это сделал Стэнли из-за денег.

Дед упрямо помотал головой.

– Я понимаю, что вы чувствуете, мистер Гарфилд, – кивнул инспектор. – Поверьте, я бы сам хотел видеть на виселице подонка, торговавшего зельем. Но мы не можем исключать очевидное. Стэнли не ребёнок, каким вы его видите до сих пор, – он откашлялся. – Да, вот ещё. Мистер Гарфилд, когда вы спустились после того, как разбудили Адама, вы нашли внизу всех вместе или кого-то не было?

– Все были внизу, – сказал дед.

– Вы уверены?

Дед уставился в бесстрастное лицо инспектора.

– Уверен. Все были внизу. Только никто не разговаривал.

– Что каждый делал?

– Летисия была за столом, а Джуди, кажется, возвращалась из клозета.

– А Тёрнер?

– Он тоже был внизу, вернее, его спина. Он всё время стоял на улице перед входом под козырьком и дымил.

– Ясно.

На этом инспектор покончил с вопросами и откланялся.

Дед, Адам и я расселись кто где. Спать никто не собирался, хотя мы с дедом не спали уже сутки. Тем более что мне не хотелось подниматься к Стэнли. Не знаю, как назвать это чувство. Не жалость уже, не презрение. Скорее категорическое непонимание, а может, и ненависть. Как можно было отнестись к смерти отца и брата столь циничным образом?

Пока я ломал голову над своим отношением к Стэнли, это случилось – дед зарыдал. Не как мисс Вудс, разумеется. Тихо, беззвучно. Слезы текли ручьями. Дед сидел за столом, сокрыв руками унылое лицо, постаревшее за ночь на десяток лет. Я уверен, он оттолкнул бы меня и обругал, подойди я к нему и обними. Это не та порода людей. Вы должны забыть, что видели. Морские дьяволы не плачут. Им достаточно знать, что вы рядом, и это вся поддержка, которую они готовы от вас принять.

Только сейчас я задумался: убийца ведь был наверху, когда мы с дедом ходили рядом с маяком. Даже когда вошли внутрь и глядели наверх, убийца мог быть всё ещё там и слышать, как мы вызывали Кампиона, и поднимись мы тогда, возможно, его застали бы.

Кто мог это сделать? Кому потребовалось убивать Рэя

Кампиона, да ещё так зверски? Кому принадлежал этот гарпун? Кому потребовалось красть его с места преступления? Я решил, что хозяин гарпуна и убийца – разные люди. Иначе убийца вытащил бы гарпун сразу. А вот кем был похититель гарпуна? Может, его хозяином, который сам не убивал, но знал о преступлении? Или убийцей, который задним числом сообразил, что по оружию и его хозяину можно выйти на него самого?

В спальню не пошёл никто. Адама сморило прямо за столом.

С первыми лучами солнца в магазин явилась мисс Гилберт с корзиной для покупок. Кое-как придя в себя к утру, дед поприветствовал её, заметив, что ещё не открывал для покупателей.

– Ах, разве? – взметнулись костлявые дряблые руки. – Да я думала, раз случилось такое, уж всяко вы и открыты уже, раз с вечера не закрывали.

Дед покачал головой, тихо произнеся:

– Странно такое думать.

Мисс Гилберт – неудачный вариант Летисии Вудс. Суть та же, вот только готовить она не умеет, голос её небогат разнообразием, а откровенно зануден. Внешне – неопрятная старуха, хотя не удивлюсь, если она моложе мисс Вудс. Главное топливо в жизни мисс Гилберт – сплетни, но, как правило, Летисия всегда её опережает. У Летисии есть стиль, если можно так выразиться. Мисс Гилберт же – одна из многих.

Тем не менее этим утром мы вынуждены были держать оборону.

Мисс Гилберт разъяснила нам:

– Пышка Пэм у нас не открывает раньше десяти – лежебока, как и её мать. Любит поваляться! А мне с утра позарез нужна крупа перловая для моей знаменитой похлёбки! Что прикажете делать? Пришлось ковылять через вереск к вам. Я подумала...

Дед перебил её:

– Разумеется, мисс Гилберт. Вы правильно сделали, что пришли.

Видно, решил поскорее от неё отделаться, да не тут-то было.

Мисс Гилберт кивнула.

– Мистер Макэвой заходил к вам, да? – принялась она за осаду.

Джон приходил среди ночи. Откуда, чёрт подери, ей это известно? Хотя какая разница?

– Заходил, – признал дед.

– Бедняжка. У них совсем нет денег. Да ещё и подозревают его теперь, – голос мисс Гилберт чуть дрожал, ведь его хозяйка была крайне огорчена соседскими проблемами. – Ну вот что я вам скажу: он еле держится за свою работу. Так что мало ли...

– В каком смысле? – спросил дед.

– Ну, мало ли зачем он там ходил к Рэю. Это ничего не

доказывает.

– А что это должно доказывать?

– Ну как что? Что он последний, кто видел Рэя. Ведь он просил у Рэя взаймы, но тот отказал. Ведь так? Да ещё платок этот с инициалом Джона... Раз уж мы разговариваем, не завернёте мне толочна?

Дед в изумлении поднял брови.

– Вы же похлёбку собирались готовить?

– У меня всё равно нет тыквы, – отмахнулась мисс Гилберт. – Давайте-ка, взвесьте фунт толочна. Отварю потроха, так что можете зайти на обед.

– Благодарю, мисс Гилберт.

– Ерунда какая! Заходите и Джозефа берите. – Махнула она в мою сторону.

– Это очень великодушно с вашей стороны.

– Только глупости не говорите. В вашем состоянии кто-то просто обязан за вами присматривать. – Нижняя челюсть мисс Гилберт тряслась от удовольствия, с её губ капельками слетала слюна.

– Мисс Гилберт, я Макс, – сказал я.

Она вытянула ссохшуюся физиономию.

– Кто?

– Это Макс, мой внук, – сказал дед. – Вы забыли?

– Ничего я не забыла. Давайте, заворачивайте.

Я помог деду с упаковкой толочна, лишь бы эта неприятная женщина поскорее ушла.

Мисс Гилберт вздохнула.

– Чудесная семья. Да разве можно так, а? Сыпаться несчастьям одному за другим! Просто кара небесная.

– Вы Кампионов имеете в виду? – спросил я.

Посетительница вновь уставилась на меня, будто вопрошала, кто я вообще такой. Затем, сдвинув жидкие брови, значительно произнесла:

– А? Ну да, и их, конечно, тоже. А Джон Макэвой ни в чём не повинен, запомните. Чудесная у него семья. Я ходила к ним на днях, траву отнесла им, Ровена как-то просила. Всё-то у них в доме неладно.

Я поставил пакет на прилавок, постаравшись при этом, чтобы он шлёпнул погромче. Может, эта ржавая мисс прекратит скрипеть и уберётся восвояси со своим толочком? Но какое там!

– Девушка эта новая, с веснушками, что у них работает, всё мне рассказала, пока я в передней ждала. Говорит, её хозяйева ссорятся постоянно. Это и на ребёнке их отражается. Ну, думаю, опять сплетни, не иначе. А он, когда вышел, весь в слезах был, глаза красные, чихает. Бедное хворое чадо. Со всем больное. Ну надо ж было таким уродиться! Ровена его всё пытается вылечить. А ребёнок-то – полное отражение отношений родителей. Вот не заладилось-то. – Мисс Гилберт наконец глянула на пакет. – Мистер Гарфилд, я понимаю, вам не до этого, у вас тут смерти, убийства, но не могли бы вы мне дать толочко в кредит? Я такая глупая, представляе-

те? – Она повернулась к нам с Адамом и весёлым громким голосом продолжила: – Корзинку взять-то взяла, а кошелёк забыла! Ну? Представляете?

– Представляем, – хмуро сказал я.

– Ну какая же я глупая! Так вы не возражаете, мистер Гарфилд? Забыла кошелёк!

– Разумеется, мисс Гилберт, – вздохнул дед. – Такое случается каждый раз, когда мы идём за продуктами в шесть утра.

Мисс Гилберт сарказма не понимает.

– Вот спасибо! Рада, что вы не утратили чувства милости, хотя у вас такое горе.

– Ну что вы, мисс Гилберт.

– Я пошла. А то ведь столько дел ещё. Да и у вас, наверное, накопилось. Я потом занесу должок.

Дед кивнул.

– Не утруждайтесь понапрасну.

Мисс Гилберт ушла. Рассеялась, как утренний туман. Разумеется, дел у неё по горло. Растрезвонить там, где ещё не гремел рупор мисс Вудс.

А потом, разумеется, по воле судьбы-злодейки мисс Гилберт будет вынуждена ковылять из восточной части сюда, чтобы отдать деньги, а заодно – раз уж так сложились обстоятельства и она снова здесь – разузнать новые подробности.

Глава 8

Гарпун

Завтракали мы вчетвером – спустился Стэнли. Его первыми и единственными за всё утро словами были:

– Слава богу, эта женщина ушла. Терпеть не могу, как она пресмыкается.

Он, конечно, имел в виду Летисию. Навряд ли мисс Гилберт хоть раз заговаривала с ним, тем более пресмыкалась.

После трапезы мы с дедом и Адамом вышли прогуляться к маяку, и нас овеял утренний бриз, и прохладная свежесть приятно стала проникать под одежду. Долгое время я не знал другого лета, потому что всё детство приезжал только сюда, на север, чтобы побыть с дедом и поиграть с его лодкой, и каждый день ощущать на языке привкус морского ветра и соли. Я носился по воде и пугал заплутавшую олушу²², и каждый раз изничтожал новую пару ботинок. Я по-прежнему возвращаюсь в своё прошлое, когда бываю здесь, оттого сильнее теперь чувствую, как у меня его отбирают.

Рэй Кампион – часть той дорогой мне жизни, такая же, как и Джозеф, и как маяк, на который мы с Адамом взбирались и играли в зрителей. Сейчас он стал местом жестокой драмы, и детство моё, к которому я так трепетно отно-

---

²² Морская птица отряда пеликанообразных.

сился до той поры, вытоптали и смешали с грязью. Буквально – с кровью.

Над нами сияло всё ещё прохладное солнце, и я услышал, как Адам, шаркая по траве, сказал негромко:

– Гарпун как будто прилетел в окно и улетел обратно.

– Почему в окно? – удивился я. – Тёрнер сказал же, убийца стоял рядом, когда закалывал Кампиона.

– Да я знаю, знаю! А мне представилось вдруг, что гарпун этот – вестник злого рока. Он ворвался через окно, оповестил о грядущих несчастьях и скрылся обратно. Есть в этом что-то мистическое, дьявольское.

– Гарпун дьявола, – обронил дед.

Маревое оцепенение мгновенно слетело с меня.

– Почему ты это сказал?

Дед приподнял кустистые брови так, что они стали похожи на двух парящих чаек, потёр лоб большой морщинистой рукой и со вздохом сказал:

– Так мы называли всякий гарпун, который был использован не по своему прямому назначению.

– Так можно и про любой кухонный нож сказать. В рыбной лавке, например, один рыбак вспылил и заколол другого во время разделки. И при чём тут дьявол?

– Боюсь, что не так, – устало вымолвил дед.

– Не вижу разницы, – упорствовал я.

– По старому поверью, дьявол всегда пользовался гарпуном в виде трезубца, – пояснил дед. – Кто-то звал его богом

морским – Нептуном или Посейдоном. Мы на судне всегда считали, что это лишь чёрт, а какой у него гарпун, дело десятое. В добро он его не употребит.

Усталость подкрадывалась по всему телу к голове, я чувствовал, как мой физический резерв пустеет, но мысль о чёрте закралась слишком глубоко, чтобы просто забыть о ней, и я терпел её ещё минут десять, пока мы бродили вдоль берега.

Я никогда не верил ни в одну религию, поэтому мне нравились дедовские объяснения по разным вопросам, выдуманные скорее для потехи. Хотя моряки суеверны, но далеко не все. Некоторых, как деда и его соратника Кампиона, к примеру, никогда не пугал выход в море в пятницу, а уж сколько плевали нерадивые моряки у них на палубе, не счесть.

Что касается морского дьявола, мне была очень по душе дедовская трактовка. Мне явственно представлялся чёрт с гарпуном. Нож не выглядит так внушительно, пистолет – слишком прозаически. Чёрт обязательно захочет, чтобы вы подошли к нему поближе, доверившись, как простачок, и тогда он предстанет самим собой, вытащит гарпун из-за пазухи.

– Хотя нет, – сказал Адам. – Гарпун не был вестником, он был свидетельством злого рока, потому что вестник был за ночь до этого.

– Джозеф? – спросил я.

Мой друг кивнул.

Мы дошли до белокаменной башни маяка и посмотрели вверх, туда, где была лавка свиданий. Вечером стремнистый²³ выступ можно было только угадывать, сейчас же всё было зримо и банально. Сейчас убийце вряд ли удалось бы скрыться.

Я прищурился, воображая, что могло произойти вчера.

– Как думаешь, – обернулся я к другу, – и вправду невозможно такой гарпун запустить со скалы?

– Немыслимо, – категорически сказал Адам, поправляя на носу очки. – Гарпуны не летают как стрелы. Тем более такие, в которых три с половиной фута.

– А если арбалет? – не отступал я.

– Тогда скорее гарпунная пушка, – сказал дед. – Но она очень громоздкая.

– А если учесть, что видимость была нулевая, попадание в цель с пятнадцати ярдов равно нулю, – настаивал Адам.

Я и сам понимал, насколько глупа эта мысль. Но я уже не чувствовал ни головы, ни ног, и мне было сейчас всё равно. Мы повернули обратно. Вдруг ещё одна мысль, показавшаяся мне странной, всплыла, как потревоженный песок со дна моря. Это случилось у крыльца дома:

– Не пойму, зачем инспектор спросил у Стэнли, есть ли у него враги. *У него* лично. Он думает, Стэнли хотят подставить?

К моему удивлению, Адам ответил сразу и совсем тихо:

---

²³ Крутой, утёсистый, скалистый.

– Нет. Он считает, что хотели убить Стэнли.

Вот чёрт! До меня только сейчас дошло: убийца не знал, что на дежурстве будет не Стэнли, а его отец. Значит, Чемпиона могли убить по ошибке?...

Когда я проснулся, на часах был полдень. Адама нигде не наблюдалось, как и Стэнли. Вставать не хотелось. Я потянулся со своей верхней кровати вниз и схватил с тумбочки Адама сигареты. Под ними лежала книга в обложке холерных тонов, под стать названию – «*Тайна жёлтой комнаты*» Гастона Леру²⁴. Детектив, вышедший сорок лет тому назад и произведший фурор, стал бестселлером на десятилетия. Адам рассказывал, в чём там суть. Восемнадцатилетний парень распутал загадку, которая оказалась не по зубам всей полиции Франции. Абсурд на ровном месте.

Адам проникся детективами в школе наравне с книгами Эдвина Сатерленда²⁵ и учебниками по биологии. Тогда и выяснилось, что это совершенно не мой жанр. Я не любил криминалистику выходного дня за внимание публики, несправедливо легко достающееся её тщеславным сочинителям, и за то, что из обычных людей там клещами тянут самое низменное, обнажая их пороки, а то и толкая на преступление. У них часто люди порядочные становятся убийцами.

– Зачем они это делают, писаки чёртовы? – говорил я. – Понятно, что у каждого есть скелеты в шкафу и разной глупости.

---

²⁴ Французский писатель, признанный мастер детектива (1868–1927).

²⁵ Американский социолог, криминолог (1883–1950).

бины второе дно. Зачем насильно выуживать из людей?

Моим *очевидным* вторым дном выступал байронический герой, глубоко засевший во мне. Лорд Байрон задумывал Чайльд-Гарольда как революционера, а на деле вышел мрачный и разочарованный скиталец-мизантроп. Герой даже больше походил на отрицательного, а симпатии к нему рождались благодаря его загадочности и напускному романтизму вперемешку с высокомерием и тонким цинизмом. Вот и я временами ощущал себя таким, а может, просто хотел им быть в силу незрелости жизненных воззрений.

Над своей кроватью я повесил небольшой снимок Энтони Жака Мэнтла²⁶ и его крылатого коня DH.9A, одномоторного лёгкого бомбардировщика. Экземпляр не из числа моих фаворитов, несмотря на замену в нём маломощного шестицилиндрового двигателя из предыдущей модели на американский V-12 Liberty. Я вижу себя за штурвалом не военного, а более позднего частного красавца серии Waco F²⁷. Что касается Мэнтла, то он не перелетал Атлантику, как много позже сделал Чарльз Линдберг²⁸, и не возглавлял захватывающий рейд по Японии, как Джимми Дулиттл²⁹ несколько лет назад. Мэнтл вызвался добровольцем в Королевскую военно-мор-

---

²⁶ Британский лётчик (1899–1988).

²⁷ Серия самолётов для частных владельцев производства компании Waco Aircraft.

²⁸ Американский лётчик (1902–1974).

²⁹ Американский лётчик (1896–1993).

скую службу в семнадцать лет. В восемнадцать его назначили вторым лейтенантом на испытательном сроке.

Мне стукнет восемнадцать в сентябре. Чёрно-белое присутствие Мэнтла в моей комнате стимулировало меня духовно. Я понимал, что до того, как меня засадят в университет Глазго, как Мэнтла в тюрьму в Москве, у меня был шанс, хоть и мизерный, стать вторым помощником авиатора. В теории я знаю о внутренностях бипланов довольно много, хотя до сих пор мне доводилось чинить только мебель, бытовую технику и дедовский «Форд».

Я докурил и потушил сигарету о блюде. Курить я, к слову, начал этим летом, назло отцу. То же самое насчёт спиртного. Отец ещё не в курсе этих дел. Но, по-видимому, так я решил начать обозначение границ своей свободы. И, возможно, я сейчас, как Третий рейх, – от злости и твердолобости захожу туда, куда не следует. Я знаю, по возвращении домой меня ждёт серьёзный разговор. Но я к нему готовлюсь. Надеюсь, к моменту, как мы засядем с отцом друг против друга, я буду держать сигарету так же невозмутимо и дерзко, как Черчилль свою любимую гаванскую сигару.

Я принял душ, истратив воды вдвое больше, чем разрешал дед. Хотел смыть с пота и грязью весь вчерашний день. К тому же я не сильно переживал за растраты теперь, когда дом опустел на две души. Нерастроченная вода, решил я, как вещи покойника, – обязательно кому-то достанется. Закрутив кран, я вышел из ванной. Сделал несколько упражнений,

пока обсыхало тело. Перевёл дух. Затем взял незажжённую сигарету из пачки и подошёл к зеркалу в полный рост. На самом деле это дверца от старого ссохшегося шкафа со встроенным зеркалом. Мы нашли её на блошином рынке в Леру-ике³⁰, куда её приволокли из самого Лондона.

– Зеркало-герой, оно – всё, что осталось от шкафа, – сообщил продавец. – Представляете, бомба пощадила только эту дверцу!

В зеркале-герое, стоявшем теперь на полу у стены в нашей комнате, на меня недружелюбно поглядывал парень лет, как мне кажется, двадцати – двадцати двух. Шесть футов росту. Смоляные мокрые патлы, закрывающие лоб, квадратная челюсть, резкие черты лица. Тело атлета – широкие плечи, мускулистые ноги, накачанный брюшной пресс. Недурно. У этого типа, бьюсь об заклад, ни стыда ни совести. Ещё бы это было не так. Стоит, пялится на тебя, а ты – в чём мать родила – рисуешься с сигаретой перед отражением, будто тебе лет десять, а сигарету ты стащил у отца.

Выкинув сигарету в окно, я потянулся к комоду с чистым бельём и, пока одевался, вспомнил про таинственное жёлтое пятно, виденное Летисией, и как она помянула факел Прометея. Мифология куда больше отвечает моим вкусам в литературе, и я даже вижу в ней куда больше связи с реальностью, чем в выдуманных преступлениях. Прометея, с древнегреческого означающего «предвидящий», явно писали с

---

³⁰ Самый северный город Шотландии.

кого-то, кто походил на Адама, а его брата, Эпиметея («крепкий задним умом»), конечно, с меня.

Я спустился. У деда был посетитель, Натан Тёрнер. Он сообщал последние новости:

– Всё, как предполагалось. Мгновенная смерть в результате разрыва сонной артерии. Из-за того, что гарпун был похищен, ничего более подробного об этом ударе узнать не удалось. Похититель сильно раздробил внутренности шеи. Патологоанатому пришлось уповать на мои описания того, что я видел, и относительно времени смерти он полностью согласен.

Дед мрачно слушал, облокотившись о прилавок, глядя в пространство.

– Настоящая загадка, – сказал Тёрнер.

– Надеюсь, подрядчик сможет пролить свет, – ответил дед.

– Подрядчик?

– Лодка с крестами. Полиция сейчас её разыскивает. Возможно, человек у руля что-то видел. Кроме того, нужно выяснить, для кого Кампион заказал гарпуны. Никто из местных рыбаков не отзывается.

Тёрнер взметнул брови.

– Вы думаете, это важно?

– Я думаю, это выглядит странно, ведь мы никогда не торговали гарпунами. Возможно, подрядчик и платок обронил.

Доктор пожал плечами.

– На их месте я бы искал мотив, – сказал он.

Распрощавшись, Тёрнер вышел и пошёл в сторону дома. Я приготовил чай себе и деду и думал: что я могу сделать, чтобы помочь ему отвлечься?

– Сыграем в домино?

– Не сейчас. – Дед, не вставая из-за прилавка, взял кружку.

На обеденном столе лежала газета.

– Рассел пожаловал?

– Заходил, – отвечал дед. – Джуди ему всё рассказала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.